

Сергей Жоголь
ИМИТАТОР

Сергей Жоголь

Имитатор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41609999

ISBN 9785449640840

Аннотация

Осень 1941-го, немецкие войска рвутся к Москве. Капитан Птицын ведёт беспощадную борьбу с бандой, орудующей в Куйбышеве. Внезапно он узнаёт, что отстранён от дела, связанного с поисками банды. По данным разведки в Куйбышев планируется заброска диверсионной группы с особым заданием. Возглавит группу один из лучших разведчиков абвера. Также известно, что в состав группы входит таинственный агент с позывным «Имитатор». Кто он, и зачем включён в состав группы, предстоит выяснить Птицыну.

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	67
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Имитатор

Сергей Жоголь

Редактор О. Чернова

Корректор О. Чернова

Иллюстратор С. Жоголь

Дизайнер обложки С. Жоголь

© Сергей Жоголь, 2020

© С. Жоголь, иллюстрации, 2020

© С. Жоголь, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4496-4084-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Снеговик

Внимание! Внимание, говорит Москва!..

В течение 10 ноября наши войска вели бои с противником на всех фронтах. Особенно ожесточённые бои происходили на Крымском и Тульском участках фронта...»

От Советского Информбюро: вечерняя сводка от 10 ноября 1941 г. [1]

г. Куйбышев, ноябрь 1941

[1] В романе использованы материалы сводок Советского Информбюро 1941 года.

Глава первая, в которой Птицыну после долгого сидения у окна приходится сделать небольшую пробежку

– Убили! Убили!

Истошные вопли снова донеслись из дома напротив. Птицын невольно притронулся к кобуре, но тут же отдёргнул руку и строго посмотрел на Трефилова. Тот сидел как на иголках. Свой пистолет Антон давно уже достал и теперь прижимал его к груди, точно заботливая мамаша – младенца. Птицын усмехнулся:

– Антоха, спрячь ствол!

Женщина снова закричала, послышался звон разбитой посуды, потом всё снова стихло. Птицын расправил затёкшую спину, вытер вспотевший лоб: «Да чего ж она так орёт? Всю охоту нам испортит!»

В комнате пахло варёной рыбой и отдавало кошачьей мочой. Две неказистые кошки, свернувшись клубочками, лежали у подёрнутой паутиной батареи. Стены и мебель были исцарапаны, на подоконнике стоял разросшийся фикус.

Был бы здесь Янчин – обчихался бы, ведь у него, помнится, была аллергия на кошек.

Одно только воспоминание о погибшем вызвало у Птицына спазм в висках, который тут же перерос в резкую боль, проявившуюся в области затылка. Птицын прикусил губу так сильно, что во рту появился солоноватый привкус крови. Боль немного отступила.

Эх, Женя, Женечка... Но ничего, даст Бог – сегодня мы с ними за тебя поквитаемся.

Птицын потёр рукой небритый подбородок: когда же он последний раз держал в руке бритву?

Трефилов неловко повернулся и задел ногой одну из кошек – та вскочила и убежала на кухню. «И слава Богу, одной тварью меньше!» – обрадовался Птицын. У него у самого, похоже, от этих кошек начался зуд.

На кухне послышался лёгкий звон посуды. Птицын воровато огляделся и незаметно пнул сапогом вторую кошку. Та обиженно мякнула и тоже сиганула на кухню. Оттуда по-

что сразу же вышел хозяин квартиры – пухленький мужичок с забавной фамилией Пичужкин – и протянул Птицыну стакан с пахучим чаем.

– Угощайтесь, товарищ, – оскалился любитель кошек. – Чаёк у меня хороший – с мятой. Для нервов очень полезно.

«У меня от этой твоей мяты скулы свело, – хотел сказать Птицын. – Сидел бы уж на кухне да кошарам своим хвосты крутил, рожа мещанская!»

Однако он лишь кисло улыбнулся и указал на Трефилова:

– Ему вон... дайте. Вон у кого нервишки шалят.

Антон схватил стакан и тут же затараторил:

– Владимир Иванович, да неужели так и будем сидеть? Явно же что-то стряслось! А если там и впрямь кого-то убивают?

– Твою ж мать! – процедил Птицын; суета Трефилова начинала раздражать его уже не на шутку. – Сказал же: ствол убери, пока в ком-нибудь дырку не сделал. Вон как руки трясутся.

Трефилов нехотя убрал пистолет и жалостливо посмотрел на Кравеца.

– Да очнитесь же, Степан Маркович! Там женщина помощи просит, а мы тут сидим и носами клюём.

Кравец поморщился и вытер пересохшие губы ладонью. Сутулый, с крупным мясистым носом и опухшими глазами, пожилой опер кутался в пиджак и вёл себя так, словно всё происходящее вокруг его вовсе не касалось. Птицын усмех-

нулся: а ведь Стёпа накануне, похоже, снова перебухал. Знал ведь, что на дело идти, а всё равно напился! Сколько же онпил, если до сих пор никак не очухается? Дело это, конечно, житейское, но всё же... Надо бы с ним поговорить на эту тему – *за стаканом, конечно...* Птицын усмехнулся пришедшей на ум шутке и вспомнил, что когда-то и сам уходил в запой. Чтобы хоть как-то отвлечься, он слегка отодвинул шторку и выглянул в окно.

– Со второго этажа крики слышны. Это не наша ли клиентка орёт? Что думаешь, Степан?

Кравец помотал головой и поёжился.

– Не наша, Иваныч. Наша напротив живёт, а та, что орёт, – левее. Точно левее. Да и голос у этой уж больно хриплый, будто бы пропитой. А наша Лерочка, помнится, ещё пару лет назад в лучших ресторанах солировала – голосок у неё, как у соловушки!

– А ты что ж у нас, по ресторанам ходишь? – хохотнул Птицын.

– Бывает. – Кравец подавил зевок.

– Ну ты и сказал: «как у соловушки!» – продолжал Птицын. – Голосок-то у неё, может, и не из противных, зато душонка змеиная. Общались – приходилось. Та ещё стерва!

– Кто ж спорит? – не стал возражать Кравец.

– Надеюсь, не знает наша соловушка, что мы тут сидим, а то кто его знает, что наш гражданин Пичужкин вчера почтальонше шепнул, когда та газеты приносила? – Птицын во-

просительно уставился на хозяина квартиры.

Пичужкин обиженно фыркнул и отвернулся.

Птицын и двое его оперативников ещё вчера нагрянули в квартиру гражданина Пичужкина, однако интересовал их не сам любитель кошек, а его жилое помещение. Как раз напротив окон Пичужкина, в соседнем доме проживала Лера Валерьевна Лыскина, которая являлась новой любовницей Пашки Кастета – молодого рецидивиста с богатым «послужным списком». Лыскина действительно долгое время была ресторанной певичкой, но пристрастилась к наркотикам и в итоге покинула сцену. Пару раз она привлекалась по подозрению в торговле краденым, но всякий раз доказательств не хватало. О том, что Лерка Лыскина является любовницей Кастета, Птицыну сообщил Женя Янчин. Вскоре после этого его и убили.

Когда Пичужкин открыл дверь операм, Птицын сразу же надел на него и, возвав к гражданской сознательности, потребовал предоставить его жилое помещение для организации засады. Несмотря на бездумную агрессивность Птицына и его откровенное хамство, проявленные при первом знакомстве, толстячок совсем не испугался и тут же затребовал документы.

Когда Кравец достал удостоверение, Пичужкин нацепил на нос очки и пару минут рассматривал протянутую книжицу. После чего попросил предъявить документы и остальных. Антона долго уговаривать не пришлось, а вот Птицын

поначалу выругался, но немного погодя всё же выполнил пожелание въедливого хозяина.

Убедившись, что никакого подвоха нет, Пичужкин деловито заявил: «Милости просим. Органам помочь – это мы всегда!» После того, как Птицын и его сотрудники расположились у нужного окна, толстячок любезно попотчевал незваных гостей чаем и до глубокой ночи вёл беседы, рассказывая массу интересных историй про всех своих соседей. Когда Пичужкин уснул прямо в кресле, Птицын бесцеремонно завалился на хозяйскую кровать, Кравец пристроился на полу, Антону же пришлось караулить всю ночь. Потом его, конечно, сменили. В засаде они провели сутки и сейчас тупо пялились в окно, почти не веря в то, что Паша Кастет всё-таки явится к своей ненаглядной подружке.

Двор казался пустым и неподвижным, только промозглый осенний ветер трепал развешанное на верёвках бельё да косматая псина лежала у кустов, что-то грызла и при каждом новом крике вздрагивала и поднимала вверх любопытную морду. При очередном завывании Антон поставил стакан с недопитым чаем на подоконник и снова потянулся за пистолетом.

– Сядь, Антон Юрьевич, и успокойся. – Птицын добавил в голос металла. – Явится Паша, увидит, как ты бабам слёзы утираешь, – и ищи его... Зря, что ли, мы его столько времени пасём?

– Зря, не зря, а там ведь женщина, эх... – Антон надул губы, отвернулся, решив немного выждать. Он прекрасно знал,

что, если его начальник вдруг переходил на официальный тон, это не могло означать ничего хорошего. По имени-отчеству или по званию Птицын обращался с коллегами довольно редко. Он даже начальника Управления почти всегда называл просто Григоричем. А если уж Птицын назвал Антона Юричем... Это могло закончиться плачевно в первую очередь для самого Антона.

Репутация безбашенного психопата закрепилась за Птицыным уже давно.

– Это Глафира Стрельникова кричит. Её голос, – вдруг вмешался в разговор Пичужкин. – Глашка эта – баба бедовая: двух мужей схоронила, а всё не успокоится. Полюбовников теперь водит. До войны к ней в основном с завода мужики шастали – работяги. Нормальные в основном мужики. А как ббольшую часть на фронт загребли, так контингент испортился. Жульё всякое теперь у нас шляется да пьянь подзаборная. А Глашке что? Для неё что нормальный трудяга, что бандит иль алкаш – всё едино. Главное – чтобы мужик был, с соответствующими, значится, деталями. Самогоночку Глашка с ними попивает, ну и, сами понимаете, чем ещё занимается. Редкостная шалава, прости её господи!

Птицын спросил с издёвкой:

– Что ж ты так про соседку? Сам, поди, тоже к ней клинья подбивал, да, похоже, безуспешно. Что, дядя, не повелась на тебя соседка – вот ты её теперь и поносишь! Колись: угадал я или нет? Живёшь, смотрю, один. Неужели такая ба-

ба, что так на передок слаба, не по тебе? Иль ты у нас только с кошками милуешься?

Пичужкин выгнулся, точно его передёрнуло током, надул щёки и, осушив за раз полстакана своего травяного чая, фыркнул:

– Мне до Глашкиных прелестей дела нет – я женат, между прочим.

– А где же жена? – тут же спросил Птицын.

– В отъезде. У сестры в Ялте гостит.

– Что ж у тебя за жена-то такая, если ты срach в квартире развёл с кошками своими?

– Нормальная у меня жена. Она, может быть, тоже животных любит. Так что кошек моих не троньте, да и вообще... не ваше это дело. Пришли тут, понимаешь! Я к ним с душой, а он меня в паскудстве всяком обвиняет!

– Ладно-ладно, дядя. Этот я так, шучу, чтобы, так сказать, разговор поддержать. – Птицын фыркнул и снова насел на Трефилова. – Ну вот. Видишь, что про твою орущую бабу достойные... – Птицын поморщился, – люди говорят, а кто-то из-за неё хочет нам всю операцию сорвать.

Антон ещё сильнее поджал губы:

– И что? Ну выпивает женщина, ну жизнь личную устроить желает. Что же, она после этого и не человек?

– Стой, тварь! Куда?! Люди добрые, да что ж это делается?! Да средь бела дня живого человека да по голове... а-а-а! – снова послышалось из дома напротив.

– Твою ж мать! Может, и правда у неё кого порезали? – Птицын посмотрел на Кравца, тот пожал плечами.

– Сам решай, Иваныч. Ты у нас главный – с тебя и спрос.

Степан Маркович Кравец начинал служить в уголовном розыске ещё задолго до прихода туда Птицына. Проявил себя неплохо, но до высоких чинов не дослужился, так как довольно часто прикладывался к стакану. Тем ни менее Стёпа Кравец являлся одним из немногих в Управлении, с чьим мнением Птицын по-настоящему считался. Это было, несомненно, связано ещё и с тем, что Птицына и самого в Управлении не жаловали. Если бы не высокая раскрываемость на вверенном участке, его и самого уже давно выперли бы не только из уголовного розыска, но и из партии.

– Убили! Убили! Сволочи! – снова заорала баба.

Из подъезда вышли две молодые женщины и подросток. Потом выползла какая-то бабка и тоже принялась орать:

– Вон оно как! Чего ж такое делается?! Где ж милиция, куда смотрит?

Вышли ещё одна женщина и старик на костылях. Все задирали головы и смотрели на окно, из которого доносились вопли. Псина, что до того лежала почти без движений, поднялась, отбежала в сторону и принялась истошно лаять, словно поддерживая всех тех, кто вывалил из своих домов поглазеть на то, что же случилось в злополучной квартире. Птицын сплюнул, провёл ладонью по подбородку и проворчал:

– Что за день-то сегодня такой? Ну что, Антоха, похоже, повезло тебе. Посмотри, что за дела: если уж там действительно труп, тогда откроешься. Правильно я мыслю, а... Маркыч?

– Я же уже сказал: ты главный – тебе и решать, – повторил Кравец. – Только если Кастет вычислит нашего кучерявого...

– Паша Кастет, если теперь и явится к Лерке своей, то тут же свинтит. Не сомневаюсь. Разу уж соседи такой кипиш подняли, что хоть живых выноси.

– Может, мне сходить – я не так заметен, как Антон? – Кравец немного ожил. – Меня, глядишь, и не вычислит, а вот Антошку точно приметит.

– Не приметит, Степан Маркович. Я же быстро, одним глазком! – взмолился Трефилов.

– Дуй, салабон, – прикрикнул Птицын. – Разбирайся, что к чему, только по-тихому. Не вздумай удостоверением козырять.

Антон накинул куртку и выскочил из квартиры.

Пока их молодой коллега шёл по двору, Птицын и Кравец внимательно за ним следили. Когда Антон исчез в подъезде дома напротив, Пичужкин, как бы между прочим, равнодушно заявил:

– Глашка частенько так орёт: примерно раз или два в неделю. С хахалем очередным что-то не поделила – вот и голосит. Скоро вернётся парнишка ваш, помяните моё слово.

Птицын опешил.

– Что значит «раз или два в неделю»? Она что же, всегда орёт, что кого-то убивают?

– Убивают, режут, колют... орёт постоянно, что ни по́падя. У неё всегда кого-то поначалу убивают, а потом выясняется, что либо ей по мордам дали, либо она сама очередному хахалю рожу расцарапала. Говорю же: бедовая баба, а проще сказать, дура она, как вы и сказали. Дура набитая.

– А что же соседи? Бабка ж та вроде как милицию требовала...

– Правильно. Требовала. А кто ещё на Глашку управу найти должен? – выпалил Пичужкин. – Раз уж вы сюда явились – так и разбирайтесь с пьянью этой! А то только и можете честных людей оскорблять! Вон она, Глашка Стрельникова, разрушительница порядка – вот и принимайте к ней меры.

– Да что ж ты... – Птицын сжал кулаки, лицо его стало пурпурным. Он двинулся в сторону толстяка, но тут Кравец ухватил его за рукав:

– Глянь!

Птицын ринулся к окну. Из-за угла соседнего дома вышел чернявый парень крепкого телосложения и уверенно зашагал к подъезду, в который недавно вошёл Трефилов.

– Твою ж мать! – выругался Птицын. – Паша... Паша Кастет собственной персоной.

– Антошка наш уж больно дёрганый. Если он в подъезде с Кастетом столкнётся, жди беды, – заволновался Кравец.

Птицын бросил на Пичужкина взгляд, полный ненависти.

– Моли Бога, дядя, чтобы с моим парнем ничего не случилось!

Пичужкин фыркнул и демонстративно отвернулся. Пока Птицын и Кравец сбегали по лестнице, со двора послышались звуки выстрелов. Вылетев из подъезда, Птицын увидел припавшего на колено Антона и убегающего Кастета.

Неужто подстрелил?

Женский визг смешался с треском пистолетных щелчков. Бабы бросились врассыпную. Только старик на костылях не дрогнул и принялся орать и грозить кулаком. Собака, что до сей поры казалась такой равнодушной, подбежала к убегающему стрелку и принялась кружить вокруг него и истошно лаять. Птицын снова почувствовал резкую боль – теперь уже в висках. Его шатнуло, на мгновение показалось, что он ничего не слышит, двор поплыл, Птицын сбавил скорость и выстрелил на ходу.

Кравец первым подбежал к Антону и плюхнулся на колени. Когда Птицын доковылял до них, он схватился за грудь.

– Нормально всё, товарищ капитан, – хрипел Трефилов. – Ловите этого выродка, а я... ну как-то... короче, нормально всё.

Кравец обернулся:

– Иваныч, ты чего? Опять приступ? Доиграешься ты со своими болячками! В лазарет тебе надо, а ты скачешь. – Он распахнул кожанку Антона, и оба оперативника увидели

кровь на рубахе.

– Сильно его?

– Царапина, – отвечал Кравец, – по касательной пуля прошла, но кровь надо остановить.

Птицын почувствовал, как к горлу подступил спазм. Боль в висках словно улетучилась, но наступило то, что всегда так пугало его, порой даже делало жизнь невыносимой. О том, что Птицын не выносит вида крови, знали совсем немногие. Даже Кравец, с которым он столько лет работал бок о бок, этого не знал.

– Оставайся здесь, а я за Пашкой, – прохрипел Птицын, поднялся и побежал.

Кравец что-то кричал ему вслед, но Птицын уже его не слышал.

Пашка был уже далеко. Он нёсся как ошалелый, кепка с его головы слетела, фуфайка распахнулась. Птицын снова выстрелил. Хотел крикнуть: «Стой!», но горло пересохло. Кастет тоже выстрелил, когда пуля пролетела у самого виска, Птицыну сразу стало легче. Он понял, что не всё ещё потеряно, однако дышать становилось труднее. Птицын припал на колени и прицелился более тщательно. В висках стучало, руки ходили ходуном. Паша Кастет был довольно грузным парнем и бежал неуклюже. Лет пять назад Птицын бы догнал этого сопляка, но сейчас...

Эх, Женька, Женька... Похоже, не получится у меня сегодня за тебя поквитаться.

Из-за угла соседнего дома с рёвом вырулил бортовой ГАЗ. Он сделал крутой разворот, едва не сбив случайного прохожего и зацепив телефонную будку. Паша на ходу запрыгнул в кузов, подскочил к переднему борту и хлопнул по кабине. Двигатель взревел ещё громче, машина круто развернулась и помчалась вдоль аллеи. Птицын сделал несколько прицельных выстрелов и упал на колени.

«Сука... сука. Ну погоди! Я тебя из-под земли достану! Достану, чего бы мне это ни стоило. – Птицын поднялся с колен. – Говорил же Еленину, что машина будет нужна! – Однако начальник отказал, заявив, что Воронцов (так звали водителя старенькой „Эмки“) поедет встречать важного представителя из Москвы. Поэтому вчера Птицыну и его операм пришлось добираться до места на трамвайчике. – Чёрт бы побрал этих московских – вон понаехало, весь город переполнили». Птицын сплюнул, вытер ладонью лоб и побрёл назад.

Войдя во двор, он посмотрел на окна дома, где они провели до этого всю ночь и весь день. Из окошка за происходящим наблюдал ухмыляющийся Пичужкин. Птицын вдруг почувствовал упоение: «Радуешься, гнида! Вот ты-то мне теперь за всё и ответишь».

Глава вторая, в которой Птицын общается с красивой, но весьма неприятной особой, а потом получает распоряжение, от которого ему становится не по себе

Когда Птицын в сопровождении участкового на дребезжащем мотоцикле подъехал к серому зданию Управления, расположенному на перекрёстке Рыльской и Управленческого

тупика, в коляске по правую руку от него сидела ярко накрашенная девица в сиреновом пальто с лисьим воротником и в изящной бархатной шапочке. После того, как Птицын ввалился в её маленькое жилище, Лыскина только и твердила, что ничего не знает, а вещи, найденные у неё Птицыным, – не краденые. Ей подарил их знакомый – майор авиации, который на днях убыл на передовую.

По дороге в Управление Лера Валерьевна намного потихла. Она сидела молча и только зло шипела и косилась то на участкового, то на скрипящего зубами Птицына. Сейчас же, добравшись до места и увидев вокруг народ, способный понять её возмущение, снова принялась голосить.

– Веди её в дежурку, старлей, – сказал Птицын участковому, пропуская женские крики через себя, как через сито.

– Оформлять по подозрению в хранении краденого? – спокойно уточнил участковый.

– Пока да, но... думаю, скоро мы этой барышне ещё статей прибавим.

Он одарил Лыскину улыбкой, от которой у той на пару мгновений свело язык.

– Да как вы смеете?! Всё, что вы у меня нашли, куплено на честно заработанные. Часть вещей – это подарки, я же вам уже сто раз это говорила, – очухавшись, снова разоралась подруга Кастета.

– Когда протокол составим, её куда? – всё так же равнодушно спросил участковый. – К вам в кабинет?

– Да на кой она мне? Пусть в «обезьяннике» сидит, – выдохнул Птицын. – У меня от её визгу уже голова болит. Вот когда охрипнет и орать не сможет – тогда, глядишь, я её к себе и приглашу... На душевную, так сказать, беседу. А пока нет... Цацки, что у неё нашлись, – краденые, понятые протокол изъятия подписали...

– Да как вы... да как вы смеее?! Не было никаких понятых! Этот ввалился ко мне, – Лыскина ухватила участкового за рукав, – стал угрожать, вопросыки свои мусорские задавать, рожа ментовская! Да я тебя за это... Беспредел!

– Напрасно вы так, Лера Валерьевна. За оскорбление сотрудника вам ещё дополнительно кое-что приписать можно, и за сопротивление... А протокол обыска – вот он. – Птицын помахал перед лицом девицы помятым листком. – Здесь и перечень краденого, и подписи понятых. На пятерик, думаю, потянет.

– Люди добрые! – ещё громче завопила Лыскина. – Да он же бумаженцию эту сам нацарапал, а подписи те тот, второй, мент собрал. Прошёлся по соседям и заставил на клочке этом загаженном расписаться. Не было у меня в квартире никаких понятых! Бумажку соседи так подписали, потому что жидёнок их принудил. Да-да, соседка моя Валька и уха-жёр ейный! У-у-у... суки продажные!

Птицын зевнул, ещё раз помахал перед лицом Лыскиной протоколом и, довольный собой, направился к зданию. В скверике он увидел тёмно-зелёную «Эмку», на которой

обычно ездил его личный водитель Дима Воронцов. Птицын тут же сдвинул брови и, сжав кулаки, поднялся по ступенькам.

Ну, Ворона, только попадись ты мне на глаза...

Подумав про Воронцова, Птицын тут же вспомнил свой инцидент с Пичужкиным.

«Может, и вправду не надо было трогать этого скотоложца?» – размышлял Птицын. Когда он в очередной раз оказался в его квартире – влетел туда как бешеный, – Пичужкин светился как новенький полтинник. Тогда он ещё не знал, что улыбку эту ему тут же сотрут. Если бы Кравец не вмешался, Птицын, наверное, удушил бы толстяка.

Птицын первым делом ударил ногой кошку. Не сильно ударил – понимал же в душе, что бедная скотина ни в чём не виновата, ударил для того лишь, чтобы подзадорить хозяина. Когда Пичужкин разразился визгливым негодованием, Птицын съездил ему кулаком в ухо, а потом, словно озверев, вцепился пальцами в горло. Когда Птицына оттащили, Пичужкин, который оказался мужиком совсем не робкого десятка, принялся орать и грозить, что будет жаловаться. Птицын тут же успокоился, послал любителя кошек по известному адресу и покинул его квартиру, напоследок сильно саданув кулаком в дверь.

Отпишемся... не привыкать.

Теперь же, когда он усадил Лыскину в «обезьянник», Птицыну не терпелось встретиться с Елениным.

Но тут, кому на радость, а кому и на беду, ему на глаза попался его водитель Дима Воронцов – сорокапятилетний плотный мужчина в кожанке и задвинутой на затылок кепке.

– Что, доставил своего москвича? С ветерком? – ехидно поинтересовался Птицын. – Эх ты... Мы вот без тебя больше суток чёрт-те где и чёрт-те как. Антон вот в больницу угодил, а Паша – фьютъ... Спасибо тебе, Димуля, что мы без транспорта остались!

Воронцов сдёрнул с себя кепку:

– Да я ж разве виноват, товарищ капитан? Не мог же я самому Еленину отказать! Он теперь с этим московским – как курица с яйцом. Ну, Владимир Иванович, сам же всё понимаешь.

Птицын цыкнул на бедолагу – тот аж отскочил к стене.

– Да пошёл ты... – Птицын махнул рукой и, задев плечом Воронцова, довольный собой, проследовал дальше.

Вторым, кого Птицын встретил в здании Управления, оказался Игорь Корнилов – начальник второго оперативного отдела, сухощавый старлей с горбинкой на носу. Корнилов считался неплохим опером, его за глаза дразнили Бульдожкой. Кличка, которая хоть и казалась обидной на первый взгляд, не была таковой в принципе. Про бульдожью хватку Игорька Корнилова знали многие – тот был из разряда тех, кто медленно запрягает, но своего не упускает никогда. Птицын даже где-то там глубоко в душе немного завидовал Корнилову за его успехи, но никогда не показывал этого на людях.

Он хмуро кивнул коллеге и хотел пройти мимо, но Корнилов удержал его за руку:

– Постой, поговорить нужно.

– Давай потом, не видишь – спешу! – отмахнулся Птицын. – Нужно о проколе отчитаться. Начальник, думаю, уже заждался. Ты ведь слышал, наверное, что мы сегодня Кастета профукали?

Корнилов руки не выпустил.

– Не слышал. Постой же, говорю, подождёт твой начальник!

Птицын резко вырвал руку и сделал шаг в сторону назойливого коллеги:

– Оба... вообще-то, он ещё и твой! – Корнилов отвёл глаза, Птицын тут же начал свирепеть. – А ты чего это глазки прячешь? Никак случилось чего?

Корнилов повернулся и снова посмотрел Птицыну в глаза.

– Паша Кастет теперь не твоя забота, Володя.

Птицын выдохнул и хмыкнул:

– Чё?

– Кастет теперь не твоя забота, – повторил Корнилов.

– Как это не моя? А чья?

– Еленин все дела по кастетовской банде мне вести велел.

Мои теперь Пашку искать будут, и нужно, чтобы ты мне дела по банде передал, и как можно скорее.

Губы Птицына сжались в тонкую полоску. Он хихикнул, помотал головой, прокурлыкав себе под нос какой-то весё-

ленький мотивчик, который всю последнюю неделю крутился у него на языке, и вдруг схватил Корнилова за грудки.

– Ты чего это, Игорёк, на солнышке перегрелся? Так вроде поздняя осень на дворе. Заморозки!

– А раз заморозки, так и ты не кипятишься, – сказал спокойно Корнилов. – Сейчас к тебе заскочим, отдашь мне бумаги по банде и ступай к Еленину на ковёр для получения новой, более важной так сказать, задачи.

– Какой, твою мать, задачи?! – заорал Птицын на весь коридор. – Что значит «отдашь бумаги»? Да я... да вы что тут все, с ума посходили? – Корнилов снова отвёл глаза и на этот раз и не подумал вырываться. – Да я за выродком этим уже почти два года гоняюсь! До они ж, эти суки, моего Женьку Янчина грохнули, сегодня эта мразь Антошку из нагана... Да теперь их поймать для меня – что голодному коршуну крови напиться. Ты хоть это-то понимаешь, дурья твоя башка?

– Понимаю. Только и ты меня, Володя, пойми. Приказ у меня, а с чем это связано, я и сам не знаю. Еленин утром вызвал, и вот я тут, тебя дожидаясь. – Корнилов аккуратно высвободился из цепких рук Птицына и отступил.

– Утром? – опешил Птицын. – То есть как утром? Мы же утром... постой. Так меня не за то, что я сегодня Пашку просрал?.. Так что это получается... – Птицын не договорил и быстрым шагом двинулся по коридору в сторону кабинета начальника Управления.

В приёмной его встретил помощник Еленина Миша Стё-

пин.

– Здравствуйте, Владимир Иванович. Борис Григорьевич пока занят, просил не беспокоить...

– Да пошёл ты! – Птицын без стука влетел в кабинет.

Начальнику Управления милиции УНКВД по Куйбышевской области майору Еленину было за пятьдесят. Плотный, с суровым, отличавшимся правильными чертами лицом, с копной густых вьющихся волос, майор возвышался над столом, удерживая пальцами полуистлевшую папиросу. Гимнастёрка горчичного цвета с красными петлицами и эмалевым ромбом посередине была, как всегда, тщательно выглажена, на правой стороне груди красовался орден Красной Звезды, медали «За боевые заслуги» и «За отвагу» украшали левую. В душе Птицын всегда завидовал Еленину как бывшему боевому офицеру, но никогда не демонстрировал этого открыто. Напротив, он обычно был с начальником груб – как, впрочем, и со всеми остальными в Управлении. И Еленин, который был, в общем-то, мужиком не робкого десятка, так и не смог найти на Птицына управу.

Птицын вошёл; в кабинете пахло хорошим табаком, ходики на стене негромко тикали. «Он что же – на парад собрался?» – Птицын хмыкнул, отодвинул первый попавшийся стул и грохнулся на него, едва не сломав.

– Я говорил, что вы заняты, Борис Григорьевич! – жалобно пропищал из коридора Стёпин. – Не пускал, но разве ж его остановишь?

– Ничего-ничего. Это даже хорошо, что он сам явился. – Еленин махнул Стёпину, велев запереть дверь.

– Хреново дела, Григорич! Упустили мы Пашу, – зата- раторил Птицын. – Упустили гада! Я, конечно, сглупил! Но не только поэтому упустили. Не надо было нам светиться, а тут ещё толстяк этот... Кошек держит двух. От них смер- дит, как от помойной ямы. А ты, майор, тоже не прав... Го- ворил же: машина будет нужна. Паша-то на полutorке ука- тил, когда засёк нас. Антона подстрелил и умотал. Ну ниче- го, мы его ещё вычислим! Да, кстати, чего там за ересь Иго- рёк толкает?... – Птицын достал пачку и огляделся в поисках пепельницы.

Только сейчас в самом углу кабинета он увидел невысо- кого толстячка в помятом кителе. Незнакомец держал в руке стакан с дымящимся чаем, на дне его плавал толстый кусок лимона. Только от одного вида чужака Птицын поморщился.

Мужчина был круглолиц, казался рыхлым и одутловатым. Птицын тут же окрестил его Снеговиком. Снеговик – ну на- стоящий снеговик! Только не новогодний, а весенний – слег- ка подтаявший. Глазки прищуренные, лысина до самого за- тылка, а нос... Про такие обычно говорят: телегой перееха- ло.

На незнакомце была чистая и тщательно выглаженная во- енная форма без опознавательных знаков. Так же как и сам её владелец, надетая на нём форма выглядела немного меш- когато. Мужчина приторно улыбался.

– Вот, Кирилл Петрович, – обратился к гостю Еленин. – Это и есть наш главный сыскарь, так сказать. Знакомьтесь: наш начальник уголовного розыска Владимир Иванович Птицын. Капитан милиции и самый что ни на есть выдающийся опер на всю область, так сказать. Характерец у него, правда, так себе, вот... ему-то с вами и предстоит работать.

– Значит, это правда, – на удивление спокойно вымолвил Птицын. – Вы меня от дела отстраняете. И что, вот из-за этого?

Птицын взял со стола какой-то листок, скомкал его и бросил в направлении толстячка. Еленин будто бы этого и не заметил и как можно спокойнее продолжал:

– Уймись, Володя. Не выводи меня и не позорь перед руководством. Говорю же: этот товарищ из Москвы. Задание

у нас для тебя. Важное. Представляю тебе, Владимир Иванович, нашего товарища из Москвы: Фирсов Кирилл Петрович. Прошу, как говорится, любить и жаловать.

– Любить?! Да я из-за него... Кто же до такого додумался?

– А Кастет – это кто? – как ни в чём не бывало, вдруг спросил незнакомец.

Птицына точно прорвало:

– Кто такой Кастет? А я вам расскажу!.. Да с подробностями! Пашка Кастерин, он же Кастет – это матёрый бандюган, молодой, но очень уж деятельный. Сам из Ростова, в тридцать третьем приехал ещё сопливым пацаном. А сейчас от его подвигов уже вся Безымянка воеет. От этого Кастета помимо всего прочего уже двое наших пострадали. Они Женьку, суки, убили, а сегодня Паша ещё и Антона Трефилова подстрелил. Только товарищу майору это, похоже, неинтересно. – Птицын схватил со стола карандаш и бросил его уже в сторону Еленина. – Так ведь, Борис Григорьевич?

– А ну прекрати! – Еленин грохнул по столу кулаком, бросил взгляд на Фирсова, тут же сник и продолжил уже более мягко: – Ишь чего удумал: будто мне на своих сотрудников плевать! Ну, Володя... ладно. По поводу сегодняшнего прокола доложишь мне позже, а сейчас вот... с товарищем Фирсовым пообщайся. Он тебе указания даст по поводу немецких диверсантов. Твоя задача – эти указания выполнять и слушаться.

– Тьфу ты... – Птицын хлопнул себя по колену. Еленин

поднялся и как можно строже сказал:

– Не спорь, Володя. Правильно Кирилл Петрович говорит: подождут все твои Кастеты и прочая шушера. Раз уж руководство решило, что нас привлечь нужно...

– Какое такое руководство?

– Московское! Мне приказано откомандировать в распоряжение Кирилла Петровича своих лучших людей. А кто у нас лучший?

Несмотря на свой горделивый вид, Еленин казался Птицыну жалким. Птицын поморщился и сказал:

– Ну, спасибочки! На кой ляд мне эти яблочки, когда у меня свои гниют? Ты ж меня без ножа режешь, Григорич! Кастет – вот же он, почти у меня в руках, если бы не эта баба да не Антошкины ахи-вздохи... Да ещё не этот чёртов кошатник... Пашка Кастет очередной налёт готовит, я нутром чую. Пусть лучше диверсантами вашими Корнилов займётся!

– Хватит демагогии! – вдруг сорвался Еленин. – У меня от тебя уже голова трещит. Короче, товарищ капитан, с этой минуты поступаете в распоряжение нашего московского коллеги. Решение принято – в Москву уже доложено, и никаких возражений!

– Так значит, меня даже не спросили?

– Да, не спросили! У тебя погоны на плечах да партбилет в кармане! Так что не бузи, а выполняй приказ! – Еленин выдавил улыбку. – Придётся тебе, Владимир Иванович, теперь не урок, а немецких шпионов ловить. Так что с повы-

шением тебя!

– Диверсантов, – уточнил Фирсов.

– Этим же госбезопасность заниматься должна, – презрительно бросил Птицын.

– А она ими уже и занимается, – продолжил москвич. – Но так как дело особо важное, руководство приняло решение подключить все имеющиеся ресурсы. Тем более что диверсанты, вполне возможно, попытаются войти в контакт с криминальными элементами, которые могут оказывать немцам содействие. Одним словом, на это дело будут брошены все силы и резервы. Ситуация очень уж непроста. Поэтому уж извините, товарищ капитан, – придётся вам подключаться к поискам. Ситуация следующая: из Берлина получена информация, что к вам в город будет заброшена диверсионно-разведывательная группа для уничтожения одного из наших партийных лидеров. Мы думаем, что охота ведётся на очень важную особу...

– Сталин в Москве, Тимошенко и Жуков тоже, – проворчал Птицын. – Кого же такого важного эти диверсанты ухлопать должны, да ещё у нас в Куйбышеве?

– К вам в город, с учётом положения на фронтах, из Москвы эвакуирована группа лиц, фамилии которых пока что не разглашаются. С целью не допустить панических настроений среди населения столицы эта информация пока что относится к разряду секретных. Мы полагаем, что одно из этих лиц и является целью наших диверсантов.

Птицын встал и, подойдя к московскому гостю, облокотился на стол:

– Вы что же, охрану московских шишек мне предлагаете осуществлять? И кого же?

– Пока не могу этого сказать. К тому же непосредственно охраной вам заниматься не придётся.

– Не придётся? – Птицын почувствовал, что у него дёрнулось правое веко, – это было сигналом к новому приступу. Он поднёс руку к голове и принялся тереть висок. – То есть мы будем работать вслепую?

– Отчасти вы правы. До особого указания, на период формирования оперативно-поисковой группы, я не могу посвятить вас в некоторые тонкости предстоящего дела...

– Какой ещё группы? – Птицына уже трясло, но он что было сил старался держать себя в руках. – Янчин на кладбище, Трефилов в больнице. Мы с Кравцом вдвоём остались – вот и весь наш отдел. Вдвоём мы вам много не нароем, или вам не важен результат. Главное – людей назначить, чтобы искать иголку в стоге сена, а потом о проделанном отчитаться.

– В ваше распоряжение поступят прикомандированные сотрудники из других отделов, – уточнил Еленин.

– Нахрена ж они мне сдались?! Я со своими привык работать. И вообще... придумали тоже! Шпионов должна госбезопасность ловить, а не мы.

Фирсов казался невозмутимым.

– Госбезопасность будет вести работу по своему направле-

нию, а мы с вами – по своему́. Моя задача – координировать наши совместные действия. Мы будем искать диверсантов. – Москвич поднялся, подошёл к столу и поставил на него стакан, попутно разбрызгав его и слегка обварив себе руки. – Какой же я неуклюжий!

Бесцветные брови, лоснящийся лоб. Москвич улыбался так приторно, что Птицын решил, что ещё немного – и его стошнит. «Что за клоун, где ж такого откопали? – гадал Владимир Иванович. – Всё даже ещё хуже, чем я ожидал. Нам даже не открывают все карты предстоящего дела...»

Очередная фраза москвича добила Птицына окончательно:

– Ой... а где тут у вас туалет? А то я после вашего чая... – Кирилл Петрович тихо рассмеялся, похрюкивая при этом. – Я же с самого самолёта терплю, а у меня простата шалит.

Птицын не сдержался, и из его груди вырвался глухой стон.

– Туалет прямо по коридору. – Он плюхнулся на стул и задрал голову вверх. – Делать-то нам что?

Фирсов взял со стола папочку и высыпал на стол пачку фотографий шесть на девять. На всех фото был изображён один и тот же человек.

– Вот. Этого человека вам и вашим людям необходимо найти.

Птицын небрежно взял со стола одну из фотографий. С неё смотрел суровый мужчина средних лет в костюме

и галстук.

– Это немецкий офицер – предположительно именно он должен возглавить диверсионную группу. Остальную информацию я, как и обещал, доведу до всех членов вновь сформированной группы чуть позже.

– Позже? – переспросил Птицын, не скрывая презрения.

– Позже, – ответил Фирсов с улыбкой, которая уже начала бесить.

– Хорошо, раз уж руководство так решило...

Птицын хлопнул обеими ладонями по столу и беззвучно рассмеялся. Лишь бы опять не разболелась голова! Птицын снова вспомнил Женьку, вспомнил, как провожал его на дело, как тот прибежал в отдел и рассказал про Лыскину и Пашины визиты к ней по понедельникам и средам. Вспомнил и торчавшую из груди Женьки финку, когда его обнаружили на руинах попавшего под бомбёжку дома. Нет! Он всего этого так не оставит! Пусть Корнилов ведёт дело по банде – Птицын же будет вести своё расследование, а диверсантов пусть ловят другие.

Когда он вышел из кабинета, и без того никудышное настроение испортилось ещё больше. Возле стойки дежурного Птицын увидел полноватого мужчину в длинном строгом пальто, в шляпе и с портфелем в руках и признал в нём Пичужкина. Когда тот повернулся и заметил Птицына, он тут же весь взъерошился, надул щёки и весь затрясся.

Жаловаться пришёл? Быстро ж ты собрался, ну-ну...

Птицын с видом победителя чинно прошёл мимо стойки дежурного, даже не посмотрев в сторону слегка перепугавшегося толстяка.

Глава третья, в которой Птицын старается успокоить нервы привычным для него самого, но не совсем традиционным способом и в итоге получает неплохой урок

Несколько приглушённых хлопков, напоминавших щёлканье пастушьего кнута, прозвучали один за другим. В воздухе сразу же запахло порохом, и Птицын опустил пистолет.

– Ну что, Иваныч, давай поглядим, – поднимаясь с табурета, сказал Кривов.

Птицын бережно положил пистолет на стойку и двинулся к мишени. Белый лист, на котором чёрной краской был намалёван злобного вида мужик с ножом и пистолетом, был испещрён дырочками от пуль.

– И что у нас сегодня? – Птицын провёл пальцем по мишени. – Одна, две, три, четыре... а пятая-то где? Неужто промазал?

– Вон твоя пятая, прямо промеж глаз, вместе с четвёртой вошла, – успокоил Птицына Кривов. – Видишь, как край надорван?

– Ну, слава тебе, Боженька, что я с горя не окосел! А то я уж думал, что вовсе навык растратил.

В тире было сыро и прохладно, гудела вентиляция, из под-

собки пахло опилками и краской. Кривов достал из кармана мелок и принялся отмечать пробоины.

– Ещё хочу, – сказал Птицын и посмотрел на Кривова вопросительно.

– Так стреляй, чего уж? Патронов, слава Богу, пока хватает.

Птицын снарядил ещё два магазина, расстрелял их, почти не целясь, и снова двинулся к мишени.

– А вот теперь хуже – глянь как всё разбросал.

Птицын сорвал мишень, скомкал её и вернулся на исходный рубеж. Он уселся на скрипучую лавку, достал пачку и закурил. Кривов сходил в подсобку, принёс маслёнку и банку с ветошью и поставил на стол.

– Ну, значит, хватит. – Кривов глядел на Птицына с плохо скрытой тревогой.

– Да не прёт чего-то. Раз уж не задался день – так не задался. – Птицын отсоединил затвор и принялся водить ёршиком по каналу ствола. Кривов посмотрел на него искоса.

– Всё по поводу Женьки убиваешься? Весь осунулся – лица на тебе нет. Тебе с твоими болячками покой нужен да лечение соответствующее, а ты всё на оперативные просторы рвёшься. Ох, доиграешься ты, Володя! Помяни моё слово: доиграешься!

– Да как же ты не поймёшь?! – вспыхнул Птицын. – Женька – он же для меня как сын... ну не как сын, так как брат был. Сам ведь понимать должен...

– А я и понимаю! – строго сказал Кривов. – А вот ты – нет. Жизнь – она штука такая, да... Нет твоей вины в Женькиной смерти. Сам он в органы работать пошёл – сам и путь этот опасный выбрал. Так что ты не о Женьке теперь, а о болячках своих подумай. Доиграешься ты, дружок, – и за Женькой вослед. Только вот он за дело сгинул, а ты так пропадёшь, по дурости своей. А Женька – он что? Что сделано, того уж не воротить. Твоя-то жизнь с его смертью не закончилась.

Птицын глухо рассмеялся:

– А вот для Женьки закончилась. Хреново ты утешаешь, Сергей Михалыч. «Сам знал, сам выбрал»... Это всё я... Я виноват в его смерти, и хоть что хочешь мне говори, пока скота этого Кастерина в землю не заруют, не успокоюсь я.

Кривов сверкнул глазами:

– Прекрати! Ишь, нюни распустил! Ты у нас кто – начальник угро! Тебе киснуть не положено. Говорю тебе: в смерти Янчина ты не виноват – и точка!

– Да как же не виноват? Это я же ему в банду внедриться приказал. Мог бы сам пойти, а я его... Теперь как мне его жене и сынку в глаза смотреть? Пацанёнку Женькиному только четыре, а он всё уже понимает. Видел я его глазки на похоронах. У... – Птицын поморщился и схватился за висок.

– Что, опять? – забеспокоился Кривов.

– Да нет, ну разве только чуть-чуть.

Он отбросил затвор и тряпку, откинулся назад. Под потолком включилась вентиляция. Некоторое время они сиде-

ли молча, потом Птицын вынул пачку и закурил.

– Куришь ты, Володя, без меры – вон как и руки у тебя дрожат, хоть и молодой ещё. Оттого и в стрельбе у тебя результат слабенький. Глянь-ка на мои ручонки. – Кривов вытянул руки ладонями вниз. – Я тебя старше лет на десять, а пальцы у меня не дрожат. Да и глаза ещё зоркие, видят мушку – потому и стреляю хорошо.

Птицын фыркнул:

– Так ты же у нас, Михалыч, заслуженный мастер спорта, а я кто? Ты у нас с утра до ночи в своём тире сидишь, а у меня помимо пальбы знаешь сколько забот? Спекулянты, жулики, убийцы – всех и не упомнишь! Опять же, Пашка этот клятый... Я ведь, когда Янчина закапывали, себе слово дал, что не успокоюсь, пока его убийцу не покараю! Я ведь Пашку Кастета ловить не собираюсь. Я его, гниду, пристрелю – пусть только попадётся! Мог бы уже вчера – ан нет... Упустил я Пашку, а теперь вот ещё напасть: Еленин ведь меня от кастеринского дела отстранил.

Кривов насторожился:

– Отстранил? Тебя? Это что ж, из-за здоровья?

– При чём тут здоровье? Еленину до моих болячек дела нет.

– Не говори, Володя. Еленин – мужик правильный. А ты с ним как с равным...

– Сам виноват. Настоящий начальник – он ведь каким должен быть?

– И это каким же?

– Как кремень! Сказал, как отрезал! Любого подчинённого должен в рог бараний гнуть...

Кривов рассмеялся:

– Тебя, Володька, согни попробуй! Сам кого хочешь, хоть в рог, хоть в узел...

Птицын оскалился:

– Что есть, то есть.

– Есть-есть, да под поясницей шерсть. Говорю тебе: не перечь Еленину! Он настоящий мужик. Фронтовик. Он же почитай всю финскую прошёл. Два ранения у него... орденосец.

– Да что ты мне тут втолковываешь? – отмахнулся Птицын. – Знаю я и про ранения его, и про побрякушки. Орденосец, твою мать, а перед московскими аж чуть ли не зубами стучит! Суется, как беременная школьница, разве что сопли не размазывает. Отстранил он меня от кастетовского дела потому, что дяденька страшный из Москвы пожаловал, и теперь мне каких-то диверсантов ловить придётся.

– Диверсантов? – Кривов насторожился. – А ну-ка рассказывай.

– Шпионы немецкие к нам в Куйбышев должны нагрянуть. К Еленину Москва за помощью обратилась – ну, чтобы поймать их, – а он, вишь, ко мне. Как будто больше не к кому, – продолжал Птицын. – У меня своих мазуриков пруд пруди, а теперь вот немчура эта! Да ведь я же понимаю, что

немец – это враг. Да только у меня специализация другая. У них там разные штучки шпионские, а я с ворами да спекулянтами работать привык – боюсь, не потяну я диверсантов этих. Или потяну? Ты как сам-то думаешь?

– Потянешь-потянешь, – усмехнулся Кривов, – дальше рассказывай.

– Да тут ещё Кастет этот из головы не выходит. Он, гад, Антошку моего подстрелил, хорошо хоть, парень жив остался, царапиной отделался. Кастетовскую банду корниловским в разработку отдали, а мне приказали ловить... уж я и сам не знаю кого. Да для пущих бед ещё и москвича этого из госбезопасности ко мне приставили.

– И что за москвич? Крут?

Птицын засмеялся с надрывом, махнул рукой:

– Штабной, похоже – толстый, лысый, на снеговика похож. Мы с Кравцом его так и окрестили – Снеговик. Откуда только таких берут? Послала его нелёгкая. А он ещё и темнит. Не говорит толком ничего. Дал фотографии какого-то мужика в пиджаке. Ищите, говорит, этот вроде как самый главный будет у немцев. Хоть бы сказал, какая у них задача, у диверсантов этих, что они собираются делать: взорвать какой-нибудь объект или, может, какие секретные разработки похитить. У нас вон теперь объектов в городе сколько? Со всей страны посвозили. Я же не против того, чтобы этих диверсантов взять, только какой тут от меня прок? Тут же контрразведка работать должна, а мы кто? У нас и стукачи свои,

и сочувствующие. Диверсант – он же кто? Не вор законный и не приклатнённый, по фене не общается. Как же я его тебе выявлю, если он с простым человеком смешается да за честного себя выдавать станет? Каждый баран должен носить свои рога, кесарю кесарево. Они же среди честных людей попытаются затеряться, и пока я буду среди честного люда орудовать, такие как Паша Кастет столько дел натворить могут! Но ладно бы уж только это! Теперь ещё и москвич этот лысый будет свой нос везде совать! Еленин меня над всеми поставил, а москвич этот так... Типа куратор.

– А ты не преувеличиваешь, братец? А с чего ты взял, что он в своём деле не мастак? – с издёвкой спросил Кривов. – Ты ж его не знаешь совсем – может, он просто с виду такой, а на деле настоящий волкодав. А?

Птицын положил пистолет и принялся энергично вытирать руки тряпкой.

– Это он-то волкодав? Да ты бы на него посмотрел! Квашня квашнёй! Я не главный, говорит, я так, в сторонке постою. То простата у него шалит, то ещё чего. Короче, тюфяк – тюфяком. Как таких только в органы берут?

Птицын махнул рукой, Кривов закивал, потом отвернулся, медленно встал и принялся укладывать в коробку ветошь и протирки.

– Кстати, чуть не забыл. Есть у меня для тебя новость, Володя, – как бы невзначай вдруг сменил тему Кривов. – Может, конечно, и не моё это дело...

В голосе Птицына тут же появились стальные нотки:

– Раз уж заикнулся – так уж говори.

Кривов крякнул, почесал подбородок:

– Любка тут твоя в Управление приходила. К Еленину просилась.

Птицын стиснул зубы и сжал кулаки.

– И что? Пустили?

– На выезде он был. Она потопталась-потопталась, да и ушла. Ни с кем другим говорить не пожелала.

Птицын ощутил, как щёки его наливаются кровью.

– Когда приходила?

– Так сегодня... до обеда ещё. Нафуфыренная вся такая: шляпка, пальтишко из драпа, в приёмной больше часа проторчала и ушла. Мишка Стёпин её до самого входа проводил, шептал ей всё чего-то, а та хихикала. – Кривов глянул на Птицына исподлобья. – Может, зря я это...

– Ничего не зря! – хмыкнул Птицын. – Значит, до обеда?.. Сегодня?.. Так, правильно, Еленин как раз нашего московского гостя встречал на аэродроме. А Мишка-то хорош – мог бы хотя бы словом обмолвиться! Ну, я ему выпишу люлей по заднее число!

– Ты уж Мишку строго не суди. – Кривов постарался разрядить обстановку. – Может, не рискнул он просто тебе говорить. Даже я не сразу решился. Все же знают, какой ты у нас, – сразу в штыки. К тому же, может, Мишка и не знал, для чего твоя Любка к начальнику рвалась, поэтому и рас-

сказывать тебе не стал, а то мало ли.

Птицын набычился как сыч.

– Этот не знал? Да Мишка наш без мыла куда хочешь... А уж Любку разговорить – для него пара пустяков! Мишка парень молодой, смазливый. Она до таких как он знаешь какая...

– Да ты не пыли, Иваныч! Знал – не знал, сказал – не сказал, знаешь что... Мы с твоей Любкой на лестнице столкнулись. Она на меня только покосилась, не поздоровалась даже. Прошла мимо, будто не заметила, и сразу в кабинет.

Птицын махнул рукой:

– И чёрт с ней!

Птицын сделал глубокий вдох. На сегодня хватит загадок и дурных воспоминаний! Довольно с него и этого москвича, так невовремя свалившегося на его голову. Но воспоминания так и полезли.

С тех пор, как Птицын расстался с бывшей женой, прошло уже почти пятнадцать лет, но были периоды, когда прошлое обрушивалось на него, как холодный душ.

– У нас ребёнок растёт, а тебя только служба твоя беспокоит! Я что же, целыми днями должна дома сидеть и пелёнки стирать? – Когда Люба заводила эту пластинку, Птицын как мог сдерживал себя.

– Сыну нашему сколько лет? Какие пелёнки? – изредка пытался возразить Птицын.

– Я выражаюсь фигурально, – отвечала женщина.

Чтобы хоть как-то успокоить жену, Птицын за небольшую плату пригласил вдовую соседку, чтобы та помогала Любе по хозяйству. Это вызвало ещё больший шквал негодования.

– Я что-то не пойму: ты у нас шейх или султан? – не унилась Люба. – Вторую бабу себе завёл! Прямо гарем какой-то!

– Валентина Андреевна старше меня на двенадцать лет. Вдова. Просто будет тебе помогать по хозяйству, и всё. Ты же сама говорила, что тебе трудно и одиноко, – отвечал Птицын, после каждой фразы считая про себя до пяти.

– Мне такая собеседница не нужна. О чём мне с ней говорить? Как свиньям хвосты крутить да коров за вымя дёргать? Она же деревенская.

Птицын предложил жене устроиться на работу или записаться в какое-нибудь сообщество, но Любу ничего не интересовало. Через год жена заявила, что ей надоело жить в коммуналке, и она уходит. На вопрос «куда» Люба ответила просто:

– Наконец-то я встретила того, кому я не безразлична.

Птицын уже давно обо всём догадывался, но старательно гнал от себя дурные мысли и старался отвлечься работой. Когда всё стало ясно, он всё ещё старался казаться спокойным.

– Ты его любишь? – спросил он как бы между делом.

– Да какая теперь разница? Люблю – не люблю...

– Значит, ты от меня уходишь.

Люба напряглась:

– Пока что нет. Ради сына я готова пожить с тобой ещё какое-то время.

– Если ты согласна с ним расстаться... Ну... я про твоего этого... нового, я мог бы попытаться тебя простить.

– Простить... меня? – Люба рассмеялась. – С чего ты взял, что я испытываю вину и нуждаюсь в твоём клятвом прощении?

И тут-то Птицына впервые прорвало. Он наорал на жену и обозвал её потаскухой. Люба была женщиной не робкого десятка и в ответ вlepила мужу пощёчину. Птицын почувствовал приток крови к вискам. Он замахнулся на жену, но в этот момент в комнату вошёл Максимка и заплакал. Люба, увидев замешательство мужа, тут же заперлась в ванной и включила воду.

– Ты больной... больной урод! Ты мерзавец, негодяй и самый отвратительный тип из всех, кого я знала! – повторяла женщина, издавая истошные стоны.

– А знала ты немало, – рявкнул Птицын, оделся и ушёл, хлопнув дверью. В тот день он с полной фляжкой спирта явился в подвал к Кривову и попросился переночевать.

Михалыч сразу заподозрил неладное – достал из своих заглашников банку с килькой, почерствевшую буханку хлеба

и пару луковиц.

– Проголодался, что ли? – процедил Птицын.

– Жара доконала, – ответил Кривов, и на столике, усыпанном гильзами, появилась непочатая бутылка «Столичной».

– Садись да рассказывай, – Кривов хмыкнул. – Одной стрельбой душу не вылечишь.

– А покрепче чего есть?

Кривов хмыкнул, сходил в подсобку и принёс литровую армейскую фляжку.

– Медицинский, – сказал он. – Только горло не спали с непривычки.

Птицын, налив в пожелтевший от дешёвого чаю стакан, проглотил не меньше ста пятидесяти граммов чистогана, выдохнул, словно дракон, и откусил пол-луковицы, глотая слёзы.

– А я лучше водочки. – Кривов налил себе и выпил, но лишь чуть-чуть. – А теперь рассказывай.

Птицын вывалил всё как на духу: про их первую встречу с Любой у Спиридоновского пруда, про зимние катания на катке, про первый поцелуй и рождение Максимки. Он говорил долго, время от времени наливая себе из фляги, но на этот раз уже мешая спирт с водой. Так они просидели в подвальчике до утра. Кривов тоже что-то рассказывал о своей умершей жене и двух сыновьях, но Птицын ничего не запомнил из его слов. Потом он проспал в подсобке до глубокой ночи, после чего ушёл.

Домой он в тот день не попал. Сняв гостиничный номер, пробухал три дня и в полуобморочном состоянии отправился на работу. За данное деяние он получил «неполное служебное...»

Вернувшись домой, Птицын не обнаружил ни жены, ни сына.

Позже он узнал, что Люба подала на развод. Теперь она жила в доме какого-то полковника из госприёмки, с которым работала на авиационном заводе. Птицын подписал документы, но периодически навещал Максимку в детском саду. Однако вскоре воспитательница заявила ему, что бывшая жена не желает, чтобы родной отец посещал её ребёнка. Сказала, что она вычеркнула бывшего мужа из своей жизни и жизни сына.

Тогда Птицын снова напился и явился к ним на квартиру, устроив настоящий переполох. Он порвал своему «счастливому» сопернику майку и опрокинул какую-то вазу. Полковник, новый муж Любы, перепугался не на шутку и на следующий день подключил всё своё влияние, чтобы больше не общаться с этим «психом», – именно так он с тех пор назвал Птицына.

На следующий же день Владимира Ивановича вызвали к начальству, потом несколько раз разбирали на партсобрании, грозились исключить из партии и уволить из органов. Птицыну было на всё наплевать, но из этого состояния его снова вытащил Кривов.

На этот раз Михалыч не стал поить Птицына водкой. Он вынул из сейфа целый цинк патронов и сказал:

– Тренируйся. Запах пороха – он и не такие горячие головы остужал.

И Птицын начал палить. Он в тот день расстрелял полцинка патронов. То и дело делал паузы, чтобы пистолет остыл. Потом стрелял снова. От пороховых газов кружилась голова. В ушах звенело, а на сердце и впрямь становилось легче. Он, как и тогда – в их предыдущую встречу, – почувствовал себя пьяным. Он тогда рассказал Кривову всё о себе. Даже признался, что боится покойников и не выносит вида крови.

– Как же ты, Володька, на такой работе – и крови боишься? – удивился Кривов.

– Как увижу её – так чуть в обморок не падаю. Знаю, что всё это блажь, ан нет... Специально смотрю порой на раны и порезы, чтобы себя, значит, пересилить, а тошнота так и подступает, да голова кружится.

– И что же, этого никто до сих пор не заметил?

– Может, и заметили, да вида не подают. Я же, даже если меня и спросят, ни за что в том не признаюсь.

После этого признания Птицыну сразу же стало легче. До этого, кроме самого Птицына, про его странную фобию знал только Женя Янчин, которому рассказала об этом его мать – школьная учительница Птицына, знавшая Володю с малых лет.

С тех пор Птицын больше не беспокоил Любу, лишь

изредка через соседей расспрашивал об успехах Максима. Не беспокоил Птицын и нового Любиного мужа. Зато резко переменил своё отношение к окружающим. Теперь от Птицына доставалось всем. Однако в этом были и свои плюсы. Крутой нрав и жёсткость нравились начальству до поры до времени и вскоре помогли Птицыну подняться и выбиться в начальники.

Грохот железной двери оторвал Птицына от воспоминаний. Та открылась со скрипом, и сквозь щель показалась похожая на футбольный мяч голова. Вслед за головой в помещение протиснулся и её обладатель.

– Здравствуйте, Владимир Иванович, вот вы где! – Это был Фирсов. – А я вас везде ищу! Поупражняться решили? Очень, знаете ли, одобряю.

Птицын отвернулся, многозначительно кивнул Кривову, прошептал: «А вот и наш Снеговик» и тут же, подойдя к Фирсову, протянул москвичу руку:

– Здравия желаю, товарищ из Москвы!

Фирсов ответил на рукопожатие, тут же подошёл к Кривову и, так же протянув пухлую ручонку, сказал:

– А вы, значит, Сергей Михайлович Кривов – инструктор по стрельбе?

– Кривов, – поправил Михалыч, – Так точно, я и есть за-

ведующий этой богадельней – тиром, стало быть.

– А я Фирсов Кирилл Петрович из Москвы. Наверное, вам уже обо мне говорили.

Кривов понимающе закивал, потом, поджав губы, вопросительно глянул на Птицына.

– Михалыч у нас мастер спорта, стрелок от бога, – пояснил Птицын. – Но вас-то, наверное, этим не удивишь. У вас же там, в Москве, все мастера, в смысле – стреляют мастерски. Кстати, не желаете ли, Кирилл Петрович, поупражняться, так сказать? Заодно и нас, недотёп провинциальных, мастерству проручить.

Птицын протянул Фирсову свой ТТ рукоятью вперёд.

– Михалыч, а ну-ка отсыпь горошка московскому гостю! Пусть постреляет.

Кривов усмехнулся, сунул руку в карман и протянул Фирсову пачку патронов калибра 7,62. Москвич замахал руками:

– Да полно вам, товарищи! Я же аналитик – всё больше бумажки, знаете ли, перебираю. Отчёты, протоколы. – Фирсов хитро прищурился. – Я просто пришёл вас, Владимир Иванович, на совещание пригласить.

Птицын сунул пистолет в кобуру, но Кривов положил руку ему на предплечье.

– Напрасно вы, Кирилл Петрович, от упражнения отказываетесь, – сказал он довольно сурово. – Уж не взыщите! Покажите свои навыки. У меня здесь правило такое: кто в мой тир заглянул, должен не меньше двух магазинов расстрелять.

Понимаю, что вы начальство, но всё же...

Кривов незаметно кивнул Птицыну – тот тут же достал из кобуры ТТ, взял пачку с патронами и снарядил магазин.

– Вот, товарищ командир из Москвы, – ухмыльнулся Птицын, – надеюсь, как магазин в рукоять вставлять, вы знаете?

Фирсов по-простецки улыбнулся и снова рассмеялся с похрюкиванием:

– Пробовал как-то.

– Тогда прошу. – Птицын указал мишень.

Фирсов взял пистолет в левую руку, прищурился:

– Вон в того мужика, что ли, попасть нужно?

– Дай-ка я тебе, мил человек, другую мишеньку повешу. –

Кривов подошёл к металлическому шкафу и достал из него большую круглую мишень с чёрным кругом посередине.

Он сходил и закрепил мишень, потом вернулся на исходный рубеж. «И впрямь смешной он, – шепнул Кривов Птицыну. – И то, что на снеговика смахивает, тоже верно».

Вслух же сказал:

– Заряжай... и «огонь», что ли.

Фирсов потоптался на месте, неуверенно перехватил магазин двумя пальцами, повертел его...

Птицын уже пожалел, что всё это затеял. Кирилл Петрович присоединил магазин, только с третьей попытки сумел снять оружие с предохранителя, дослал патрон в патронник и вскинул руку. «Стоит скрючившись, пузцо торчит – хоть бы втянул его, что ли», – внутренне негодовал Птицын.

Фирсов держал пистолет левой рукой, целился не меньше минуты, трижды опускал руку, потом вскидывал её вновь. Стоя за спиной москвича, Птицын и Кривов видели, как дрожит его рука.

– Может, вам пистолет лучше в правую взять? – не выдержал Кривов.

– Да какая разница! – жалобно простонал Фирсов. – У меня что правая, что левая – особой разницы нет.

Наконец он нажал на спуск – прогремел выстрел... потом второй...

Даже с места Птицын и Кривов увидели две маленькие дырочки – в левом верхнем и правом нижнем углах мишени. Чёрный круг был не задет.

Фирсов опустил руку, как-то вытянулся вперёд и замер. Птицын и Кривов заметили, что москвич весь вдруг преобразился. Он поднёс оружие к бедру, сделал поворот корпуса и, не останавливаясь, выпалил все оставшиеся патроны одной очередью. После этого он ловко выщелкнул магазин, снял пистолет с затворной задержки и почти одновременно с этим щёлкнул предохранителем. Фирсов подошёл к Кривову и протянул руку:

– Вы говорили, что нужно расстрелять два. Давайте второй.

Кривов снарядил второй магазин и протянул его москвичу. Тот снова вышел на огневой рубеж и выполнил очередную серию выстрелов; теперь он стрелял с двух рук. Когда

дым рассеялся, Фирсов вернул пистолет Птицыну и извиняющимся тоном сказал:

– Я бы сам его почистил, но воспользуюсь правом гостя и предоставляю это вам. Тем более что у нас в первом отделе считают, что обслуживать оружие должен только его хозяин. Правило у нас такое – неписаное. Итак, Владимир Иванович, заканчивайте занятие и поднимайтесь наверх. Стрельба стрельбой, а диверсанты нас с вами ждать не станут. Ваши подчинённые, наверное, уже собрались, ожидаем только вас.

Фирсов покинул тир. Кривов с Птицыным поспешили к мишени.

Все шестнадцать пробоин красовались в самом центре чёрного круга на участке мишени размером с кофейное блюдце.

Глава четвёртая, *в которой Фирсов проводит совещание, на котором всё-таки конкретизирует поставленную задачу*

Отопления в городе не было уже третьи сутки, но в кабинете было даже немного душно. Миша Стёпин уж расстарался: притащил в кабинет печку-буржуйку и не пожалел для неё угля. На столе стояли чистые стаканы и графин с водой. Перед каждым из участников «сборища» – именно так окрестил сегодняшнее заседание Птицын – были разложены тоненькие папки, рабочие блокноты и остро отточенные каран-

даши. Однако пока что, кроме Птицына, никто из присутствующих к ним так и не притронулся.

Птицын усмехался, в очередной раз ругая про себя Еленина за всю эту организованную специально для московского гостя показуху. Сам он небрежно крутил пальцами доставшийся ему остро заточенный химический карандаш и время от времени рисовал им на страничках своего рабочего блокнота какие-то фигурки. Формально возглавлял присутствующих сам Еленин, однако сидевший по правую руку от него москвич, конечно же, уже чувствовал себя здесь главным, вот только не подавал виду.

Антон Трефилов всё ещё оставался в больнице, а на освободившуюся не так давно должность старшего оперуполномоченного, которую раньше занимал Женя Янчин, замены до сих пор не нашлось.

Помимо Птицына и Кравца, сегодня на совещании ещё присутствовали Васин и Корниенко – ребята из третьего отдела. Еленин сдержал слово, и к отделу Птицына прикомандировали этих двоих. С учётом того, что основная масса народа воевала на фронтах и людей в отделах не хватало, выделить в помощь Птицыну ещё двух оперативников – это была настоящая щедрость! Вот только Птицын воспринял щедрый поступок Еленина по-своему. Во-первых, он тут же обвинил начальника в бесхребетности. Ведь когда он до этого просил людей, чтобы организовать «наружку» за Пашей Кастетом, Еленин даже не почесался. Теперь же, с приездом

москвича, он тут же решил прогнуться. Во-вторых, Птицын терпеть не мог Васина за его въедливость.

Артём Сергеевич – именно так его называли буквально все, от дворника до самого начальника Управления – никогда не носил на лице щетины, всегда был наглажен и накрахмален, держал спину ровно, точно проглотил кол, и смотрел на окружающих, словно на пыльные ботинки, которые нужно немедленно почистить.

Второй прикомандированный оперативник – Георгий Емельянович Корниенко, – несмотря на довольно грозный вид, напротив, был слегка простоват. Он был уже немолод. Его пышные усы полностью закрывали рот и половину подбородка. Помимо украинского говора, Жора сильно шепелявил, то и дело шмыгал носом, кряхтел и моргал своими глазами, беззлобно взирающими на собеседника из-под густых бровей. На Управлении все называли его просто Жорой, а за глаза дразнили Тарасом Бульбой. Несмотря на всю свою комичность, Жора являлся настоящей грозой преступного мира города Куйбышева, потому что был до безобразия силен.

Как-то раз при задержании преступника – молодого верзилы, который бросился на Жору с опáской¹ в руке, – тот перехватил кисть здоровяка, вывернул её с хрустом и так огрел парня кулаком по лбу, что тот потом месяц пролежал в лазарете со сломанной рукой и закрытой черепно-мозговой

¹ В данном случае – опасная бритва (жарг.).

травмой. Жора был покладист со своими, а с преступниками грозен и свиреп. Это было не так уж и плохо, но Птицын считал Жору слишком неповоротливым, а значит, не считал, что от этого украинского верзилы будет особый прок. Ему для дела нужны ищейки, а не громилы. Однако пусть это теперь беспокоит Фирсова, ведь, как считал сам Птицын, теперь оперативно-поисковую группу номинально возглавляет именно московский гость.

Ноздри всё ещё немного щекотало от пороховых газов, перед глазами то и дело всплывала изрешечённая пулями мишень. Птицын понимал, что зависть – не самое хорошее чувство, но его аж корбило от того, что этот лысый Снеговик

сумел так «умыть» его на пару с Кривовым. Вот тебе и Снеговик! Подобного Птицын не видел никогда. До сих пор лучшим стрелком из всех, кого он знал, Птицын считал самого Михалыча, но тот был всего лишь бывший спортсмен, а Фирсов, по всей видимости, был стрелком совсем другого плана. Скорость и меткость, которые продемонстрировал в тире москвич, просто поражали. Понятно, что их готовят по особым программам, но вот чтобы так...

Совещание начал Еленин. Он ещё раз обрисовал задачу и представил московскому гостю Васина и Корниенко.

Пока говорил Еленин, Птицын слушал речи начальника вполуха, но когда заговорил Фирсов, Птицын невольно ожил.

– Ну что ж, поскольку оперативно-поисковая группа сформирована и утверждена, можем, пожалуй, начать. Поскольку все уже представляют основную задачу, можем перейти к деталям. Вот... – Фирсов раскрыл лежавшую перед ним папку и предложил сделать то же самое остальным.

Все увидели фотографии, аналогичные тем, которые накануне были показаны Птицыну.

– Состав и численность диверсионной группы, которую нам предстоит выявить, нам неизвестна, но есть данные на руководителя этой группы. На фото Ральф Краузе, – продолжал Фирсов, – очень опытный разведчик, офицер полка особого назначения «Бранденбург-800». Поисками этого человека мы с вами в первую очередь и займёмся.

– Це и е их головный диверсант? – деловито пробасил Корниенко. – А шо... дядька видный, и костюмчик у нього видминный. Такого в толпе враз заметишь – видразу видно породу. Ух, важливый який!

– Чем же он тебе так показался? – спросил Васин, с явным интересом разглядывая полученные от Фирсова фотографии.

– «Бранденбург-800»? – вступил в разговор Кравец. – Я слышал, они серьёзные ребята. Сосед у меня во Львове служил. Вернулся оттуда без руки. Говорит, гранатой оторвало. Он во Львове в роте охраны служил – так, говорит, немцы в наших переодетые спокойно к ним подошли, караул потихому вырезали и электростанцию захватили. Потом, когда наступление началось, немцы город почти без боя взяли, потому как кроме электростанции диверсанты ещё вокзал и узел связи захватили. Так вот, эти немцы как раз из Бранденбурга этого были. По-русски все говорят не хуже нас с вами. – Кравец поднёс одну из фотографий к самым глазам. – Вот и этот... Он к нам явно не в этом костюмчике явится. По одежке его, небось, не узнаешь. Он или усики какие-нибудь приклеит, очки там, или ещё чего.

Птицын старался казаться безучастным; он снова рисовал в блокноте фигурки, свою пачку фотографий сначала разложил перед собой веером, немного помахал ею возле лица и после этого небрежно бросил на стол. Фирсов продолжал:

– Разумеется, товарищи, объект наших поисков прибудет

в город не в том обличии, которое мы видим на этом фото. Думаю, все присутствующие представляют себе, как обычно действует немецкая агентура.

– Откуда ж нам, провинциальным недорослям, это знать? Мы же в спецшколах не обучались! – вставил язвительную реплику Птицын.

– В военную форму их одевают, или в гражданскую, чтобы с общей массой сливались, – заявил Васин.

– Совершенно верно, – продолжал москвич. – Немецких диверсантов обычно снабжают военной формой и необходимыми документами, преимущественно комсостава или органов НКВД. В нашем случае вполне возможно, что члены диверсионной группы будут прибывать под видом гражданских.

«Повёлся, чудо столичное! – улыбнулся Птицын и снова принялся что-то рисовать в своём блокноте, – а то мы и без тебя этого не знали!» Фирсов же продолжал как ни в чём не бывало:

– Сегодня в Куйбышев переведены многие промышленные предприятия, которые были переведены на военные рельсы. Наши диверсанты, возможно, будут маскироваться под эвакуированных – одним словом, могут выдавать себя за кого угодно. Так что найти их будет непросто – именно поэтому мы и обратились за помощью именно к вам. – Фирсов снова раскрыл свою папку и вынул оттуда листок бумаги. – А вот и наш главный аргумент. Ознакомьтесь, товарищи!

Листок пошёл по рядам. Когда он дошёл до Птицына, тот быстро пробежал по нему глазами. Птицын понял немного. В документе шла речь о насекомых.

Чушь какая-то...

– И що це такэ? Якие-то павуки, стрекозы и прыгунцы, – усмехнулся в усы Корниенко.

– Вот именно: раздадут нам с вами сачки и отправят бабочек ловить, – снова съязвил Птицын.

Фирсов всё так же невозмутимо продолжил:

– «Шмели», «стрекозы» и прочее – это позывные агентов. Поясню, товарищи. Это шифротелеграмма, присланная нашим агентом, работающим в Берлине. Сообщение пришло две недели назад. Завербованная нашим резидентом молодая немка, работающая в доме одного из первых лиц Абвера горничной, сообщает о встрече её хозяина с майором Краузе, человеком с фотографии. Немцы отправляют группу в Самару, чтобы убить некого Старца.

– Две недели?... А зачем вы столько тянули? – не отрываясь от своих рисунков, спросил Птицын.

– Мы ждали подтверждения и уточнения полученной информации, – пояснил Фирсов, – но с тех пор наш резидент больше на связь не выходил.

– Значит, не исключено, что ваши агенты засветились, – вставил Васин. – И возможно, что вся эта ваша чепуха с насекомыми – просто умело подготовленная дезинформация.

– Вполне такое допускаю, – сказал москвич. – Но учи-

тывая важность полученной информации, игнорировать её просто преступно.

– В чому ж тут важливість? – прокряхтел Корниенко.

– Всё довольно просто. Немцы планируют устранение высокопоставленной персоны в Самаре, называя город Куйбышев его старым названием. Как я уже и говорил, и все вы это знаете, в Самару после начала войны эвакуировано множество стратегически важных предприятий и предприятий, выпускавших ранее мирную продукцию, но сейчас переориентированных на производство военной техники и оружия.

– Слыхали мы про то: з Воронежу и з Москвы столько народу наехало, не продохнути. – согласился Корниенко.

Фирсов налил в стакан воды, сделал глоток и вытер вспотевший лоб носовым платком.

– Кирилл Петрович, вижу, вам жарко. Может, приказать, чтобы буржуйку вынесли, а то и впрямь дышать нечем? – поинтересовался Еленин.

– Да нет... не нужно, Борис Григорьевич. Как говорится, пар костей не ломит.

Птицын про себя костерил майора. Когда тот успел стать таким рохлей? Так и стелется перед нашим Снеговиком! Смотреть противно! Ещё бы платочком над ним помахал! Птицын тяжело выдохнул и снова принялся за свои рисунки.

– Тогда, может, чаю, Кирилл Петрович? Давайте я Мишу позову – он мигом всё организует.

При одном воспоминании о Стёпине у Птицына зачеса-

лись кулаки.

Накануне он едва не довёл еленинского помощника до слёз, отmaterив Мишу за то, что тот не сообщил о визите его бывшей жёнушки. Представив себе скорую встречу с бывшей женой, Птицын едва не сломал карандаш. Чёрт бы побрал эту бабу с её вечными проблемами! Всё никак не успокоится.

Он сунул руку в карман, достал пачку «Казбека», огляделся в поисках пепельницы, но, увидев грозный взгляд Еленина, убрал папиросы в карман. Фирсов тем временем, отказавшись от предложенного чая, продолжал инструктаж:

– Так вот... о чём это я? Про переброску объектов я уже сказал...

– Да поняли мы всё! – не выдержал Птицын. – Ваш разведчик сообщил, что диверсионная группа прибудет в наш город для уничтожения какого-то Старца. С группой прибудет какой-то Имитатор – для чего, никто пока не знает, зато известно, что руководить группой будет этот тип с фотографии. Он – единственная зацепка. Найдём его – найдём и остальных.

– Кстати, что о нём известно и откуда у вас его фото? – спросил Кравец.

Фирсов снова вытер вспотевшую лысину.

– Повторюсь, что на фото майор полка специального назначения «Бранденбург-800» Ральф Краузе. ОН участвовал в специальных операциях, проводимых Абвером в Ливии

и в Северной Африке. Был отмечен самим генералом Ром-мелем, вёл подрывную работу на Балканах. Краузе имеет два Железных креста, знает несколько языков, прекрасный стрелок и тонкий психолог. Отыскать Краузе, даже зная его в лицо, в таком большом городе будет нелегко.

– Я ж казав, що вин дуже важливий дядька! – степенно заявив Корниенко.

– Совершенно верно, – согласился Фирсов. – Наша разведка давно уже взяла его в разработку. На этого немца в Москве имеется целое досье, но эти документы имеют гриф «совершенно секретно», поэтому в нашем случае ограничимся той информацией, которую я до вас довёл. Такому как Краузе не поручат мелкое дельце. А значит, немцы планируют совершенно уникальную диверсию, важность которой может быть огромна. Именно поэтому, как уже было сказано, мы должны направить все усилия на выявление группы. Для этого мы должны найти Краузе.

– А фотографии эти только для нас, или мы можем показывать их всем? – спросил Кравец.

Степан Маркович уже пришёл в себя после вчерашнего. На нём были чистая рубаша и вычищенный пиджак, а синяки под глазами просматривались уже не так явно. Птицын тут же вспомнил про вчерашнюю неудачу с Кастетом. После этих посиделок нужно будет непременно заскочить к Янчиным. Он и сам не знал, что будет говорить Женькиной жене, но зайти нужно. Обязательно нужно.

Фирсов продолжал говорить про фотографии:

– Их не нужно развешивать на столбах, но своим доверенным лицам можно раздать. Для этого мы их и размножили. Главное, чтобы был результат. Тем не менее я прошу вас, товарищи, воздержаться от лишних подробностей. Сообщайте, что это немец, шпион, и не более того. Ещё... поиски Ральфа Краузе необходимо вести скрытно. В случае выявления места его дислокации воздержаться от поспешных шагов. Помните, товарищи: мы должны выявить всю группу. В особенности мы должны понять, кто такой этот Имитатор и какова его роль.

– Коли вин Имитатор, то щось мае имитувати, – рассуждал Корниенко, – а що можна имитувати²?

– Имитировать – значит выполнять что-то с большой точностью, подражать, – принялся рассуждать Кравец. – Это значит воспроизводить жесты, интонацию, взгляд. Походку, наконец. Что ещё можно имитировать?

– Оргазм, – процедил Птицын.

Еленин зарычал:

– Кто про что, а вшивый про баню! Ты дело говори, а не пошлятину свою!

Птицын, довольный собой, отвернулся. Фирсов, выждав паузу, ответил на шутку Владимира Ивановича довольно серьёзно:

² .Если он Имитатор, то что-то должен имитировать... а что можно имитировать? (укр.)

– Для выполнения задачи мы ничего не должны исключать. Вполне возможно, что наш Имитатор – женщина. Наши коллеги из внешней разведки непрерывно пытаются выйти на связь с Берлином. Возможно, появятся ещё какие-нибудь детали.

Птицын снова достал пачку и положил её рядом с собой. Чертовски хотелось курить.

– Неплохо бы ещё выяснить, кто такой этот Старец, да идти в курилку. Как я уже вам говорил: Сталин, Жуков, Тимошенко – они же все в Москве. Диктор с радио говорил, что, несмотря на быстрое продвижение немцев, Сталин остаётся в столице. Радио мы тут иногда слушаем. Кого такого важного должен устранить этот «бранденбуржец»? При первой нашей встрече вы говорили про какую-то группу лиц, прибывшую в Куйбышев. Кого вы всё-таки имели в виду?

Фирсов прищурился, встал.

– Ну что ж... а теперь о главном, товарищи. Московское руководство, проанализировав все данные и сопоставив факты, пришло к определённом умозаключению. Как уже говорилось, в Куйбышев были переведены многие стратегически важные предприятия, но не только они одни. Устранение кого-то из ведущих специалистов оборонки мы не исключаем, но считаем, что есть более правдоподобная версия. Не так давно в Куйбышев переехало правительство нашей страны, и если вспомнить то, как в народе прозвали Председателя нашего Президиума Верховного Совета, то можно с большой

долей вероятности положить, что именно он и есть Старец. Мы полагаем, что задачей группы майора Краузе является физическое устранение Михаила Ивановича Калинина³.

³ После 1935 года, когда М. И. Калинин занял должность главы государства, в народе он получил прозвище «всесоюзный староста».

Часть вторая

Паук, Прыгун и Стрекоза

«Внимание! Внимание, говорит Москва!..

В течение дня наши войска вели бои на МОЖАЙСКОМ, МАЛОЯРОСЛАВЕЦКОМ, Харьковском и Таганрогском направлениях. На разных участках ЗАПАДНОГО фронта немцы предприняли ряд ожесточённых атак на наши позиции. Все атаки немецко-фашистских войск были отбиты с большими потерями для врага...»

От Советского Информбюро: вечерняя сводка от 26 октября 1941 г.

Германия, г. Берлин... примерно за две недели до описываемых событий

Глава первая, в которой описывается история Эммы – девушки с весьма непростым прошлым и совершенно очевидным будущим

Эмма подошла к окну – к особняку подъезжал чёрный автомобиль. Когда машина остановилась у ворот, с водительской стороны выскочил шофёр в военной форме и побежал открывать дверь, однако пассажир уже вышел сам. Это был офицер, стройный и высокий. Он огляделся, поправил кобу-

ру. Водитель отскочил, вытянулся, потом шагнул к задней двери и распахнул её; из машины вышел второй, в сером плаще и в шляпе. Этот был невысок и показался Эмме каким-то скрюченным.

Мужчина в плаще что-то сказал офицеру, и оба направились к дому. Гражданский сильно хромал – это сразу бросилось в глаза. На полпути он встал и прижал руку к груди.

Офицер тоже остановился, снова поправил кобуру. Его явно раздражала медлительность спутника. Он ухватил гражданского за рукав, пригнулся и что-то сказал. Гражданский закивал и засеменил дальше. От ворот до дома было не меньше сотни шагов, и с высоты второго этажа лиц мужчин было не разглядеть. Эмма нахмурила брови – забавная парочка! Паук приказал сообщать обо всех посетителях, в особенности если они покажутся Эмме важными. А этот? Какой-нибудь мелкий чинуша из рейхсканцелярии с сопровождающим; тогда почему сопровождающий так груб? Он явно не слишком важная персона, а из-за всякой мелюзги она не должна всё бросать и бежать к Пауку на доклад.

Эмма скорчила презрительную гримасу и отошла от окна. Когда девушка подошла к зеркалу, она на некоторое время позабыла о так взволновавших её визитёрах, и из груди её вырвался гневный стон: «О, Боже!».

Эмма закусила губу и топнула ножкой. Проклятые волосы росли не по дням, а по часам. Не прошло и недели с тех пор, как она в очередной раз выкрасила свои локоны, и вот

тёмные корни появились снова. И это именно сегодня, когда её ждала очередная встреча с Густавом. Эмма откинула назад волосы, взяла помаду и тщательно подвела губы. «Ну и ладно, Густав ведь назначил встречу в „Сбежавшем пироге“, а в этой забегаловке всегда такая темень. Правда, если оттуда он снова поведёт меня на съёмную квартиру...» – Эмма хихикнула и поджала губы. Ну что ж, даже если Густав увидит её потемневшие волосы, то она позаботится о том, чтобы он не придал этому особого значения. Густава Эмма совсем не боялась, она боялась других.

Молодая женщина сделала шаг назад. Из зеркала на неё смотрела платиновая блондинка, кареглазая, с ярко выраженными скулами и тонкими губами. Огромные глаза с пышными ресницами светились задорным огнём. Эмма сделала ещё один шаг назад, повернулась на каблуках и поставила правую руку на пояс. Высокая, прямая спина, осиная талия – всем этим Эмма осталась довольна.

Не зря же Густав, несмотря на запреты его вечно брюзжащего папаши, всё ещё продолжает бегать за ней, дарит дорогие подарки, и это сейчас, когда так трудно достать мало-мальски хорошую вещь! А ведь она старше Густава почти на четыре года. Мысли о возрасте вызвали на милом личике очередную гримасу – Густав не торопится со свадьбой, и это всё из-за его упрямого отца. Ноздри Эммы надулись, но ничего. Она снова подумала о странной парочке и подошла к окну.

Мужчины, прибывшие на автомобиле, уже поднимались по лестнице. Лишь на мгновение офицер поднял голову.

Эмма вскрикнула и тут же прикрыла рот рукой. Ей показалось, что её кольнули чем-то острым. Она сделала шаг назад, схватила лежавшую на полке щётку и начала энергично стряхивать с комода пыль; мысли путались. Эмма снова подошла к окну и выглянула из-за портьеры. Водитель в форме ефрейтора уже припарковал машину под навесом возле осыпавшихся кустов сирени и теперь спокойно курил, беседуя с одним из слуг. Эмма посмотрела на часы. До встречи с Густавом оставалось не так уж и много времени.

Густав... мой дорогой Густав. Как же теперь быть?..

Если Эмма немедленно не сообщит Пауку о визите майора Краузе, у неё могут возникнуть проблемы. На этот счёт у девушки имелись чёткие инструкции. Эмма уже знала, что Паук не из тех, с кем можно шутить.

Она прошла по коридору, прислушалась. Посетители уже поднимались по лестнице. Эмма спряталась за колонной, подождала, когда прибывшие пройдут мимо, и на цыпочках двинулась следом. Когда захлопнулась дверь, девушка прошла по коридору и нырнула в одну из комнат. Здесь, в самом углу, стена тоньше, чем в других местах, если прижать к ней ухо...

Эмма услышала громкий голос полковника. Её хозяин радушно поприветствовал Краузе, потом довольно сухо поздоровался со вторым. Этот второй ответил на незнакомом язы-

ке. Поляк... серб? Да нет же, скорее всего, русский!

Полковник снова обратился к гражданскому, назвал его по имени, но это имя тут же вылетело из головы Эммы. Колени девушки дрожали.

Краузе похвалил висевшую на стене картину – гордость полковника, – потом все трое заговорили по-русски. Эмма тихо застонала, потом оглянулась. Если жена полковника или кто-нибудь из слуг застанет её за этим занятием, в лучшем случае это закончится увольнением. Решено: она пойдёт к себе и будет собираться на встречу с Густавом, вот только...

А что, если кто-то из людей Паука следит за домом полковника?

Например, этот долговязый тип, которого Паук называл Прыгуном (как же её раздражали все эти мерзкие клички!). При одном воспоминании о Прыгуне у Эммы холодело внутри. Несколько раз она видела, как Прыгун бродил возле особняка полковника и постоянно прятался в кустах. Эмма догадывалась, что именно Прыгун помог ей избавиться от того ужасного толстяка, который так грубо нарушил её мирную и спокойную жизнь.

Что, если Прыгун и сегодня где-то там, следит за домом, прячась среди кустов?

Тогда она скажет, что была занята и никого не видела. Не поверят...

Ну и пусть, тем более какой толк стоять здесь и слушать

эту тарабарщину, если она всё равно ничего не понимает по-русски? Эмма уже собиралась уйти, но тут мужчины перешли на английский – этот язык был девушке немного знаком, ему учила её мать.

– Что вы здесь делаете? – Мужской голос, сухой, словно выстрел, раздался вдруг сзади, Эмма вздрогнула и резко повернула голову.

Пожилой управляющий Клос Губер стоял в нескольких шагах от неё, прямой словно палка. Невысокий, за пятьдесят, острый как клинок подбородок, лишённое мимики лицо – этот человек работал в доме полковника уже много лет.

– О... герр Губер, это вы! Вы меня напугали. – Эмма попыталась мило улыбнуться, но вышло не очень.

– Я спрашиваю: что вы здесь делаете? Вы подслушивали?

– Да нет же, герр Губер! Я просто вытирала пыль – эта ваза немного запылилась.

Из-за стены раздалась английская речь. Мужчина спросил:

– Что это... английский?

– Видимо, да, – ответила Эмма.

– Вы понимаете этот язык, фройляйн?

– Нет... совсем не понимаю, – тут же соврала Эмма.

Взгляд управляющего немного смягчился, он подошёл к стене.

– Похоже, дом дал осадку, и в стене появилась трещина, отсюда такая слышимость, – высказал предположение управ-

ляющий.

– Возможно, вы правы. Право, я ничего в этом не понимаю, – пожала плечами Эмма.

– Нужно будет сказать полковнику.

– Да-да, непременно.

Эмма слегка присела, кивнула и хотела удалиться, но герр Губер вдруг продолжил свои рассуждения:

– За этой стеной находится библиотека – в ней полковник обычно работает и принимает посетителей.

– Совершенно верно. Когда полковник узнает про трещину, возможно, он тут же затеет ремонт и, скорее всего, перенесёт свою библиотеку куда-нибудь в другое место, – также принялась рассуждать Эмма, стараясь делать это как можно беспечнее. – Когда полковник работает, он всегда пьёт чай и очень любит при этом стоять у окна и любоваться на то, как осыпается осенняя листва с деревьев, растущих в саду. Наверное, это его успокаивает.

– Да-да, полковник любит природу. Я, кстати, тоже очень люблю смотреть на наш сад, – согласился управляющий.

– Я не знала, хотя... да-да, я должна была догадаться, что вы тоже любите смотреть на наш прекрасный сад. Я ведь пару раз видела вас стоящим у окна. Ведь окна вашей комнаты тоже выходят на сад, как и окна библиотеки.

– Вы правы, фройляйн, – с довольным видом заявил герр Губер.

– Тогда боюсь, что ваша комната – единственная, куда хо-

зьяин сможет перенести свой рабочий кабинет на время ремонта библиотеки...

– Что? Ещё чего! Я привык спать в своей комнате! Я не хочу никуда переезжать! – Глаза пожилого управляющего вспыхнули огнём. – Ладно, пусть всё остаётся как есть. Звук не такой уж и громкий. Когда закончите со своей вазой, прибегите в комнате фрау Зельды.

– Но у меня сегодня выходной, герр Губер. У меня были планы...

– Да? В самом деле? Ах да, я вспомнил. Хорошо, тогда ступайте отдыхать – комната хозяйки подождёт. – Сказав это, управляющий удалился.

Эмма тоже сделала несколько шагов по коридору, потом на цыпочках вернулась на прежнее место и снова прильнула ухом к стене.

Спустя примерно час она уже шагала по серым улочкам Берлина, цокая каблучками по влажной мостовой. На Эмме были пальто прямого покроя бутылочно-зелёного цвета, фетровая шляпка с узкими полями и лентой-бабочкой, а на ногах, обтянутых нейлоновыми чулками телесного цвета, красовались изящные туфли-лодочки. Особым украшением для Эммы являлась муфта из чернобурки – последний из подарков Густава. Всё это она приготовила для встречи

с ним, а теперь... теперь она предстанет в своём лучшем наряде перед Пауком. Эмма часто оглядывалась, небрежно поправляла шляпку, временами ускоряла шаг. Со всех сторон доносились урчание моторов, крики солдат, где-то вдалеке выла сирена. Фонари уже давно зажглись, промозглый ветер проникал за воротник, но дрожала Эмма не от холода. Её уже дважды останавливали.

Первый раз это сделал патруль. Старший, высокий и подтянутый унтер, проверял документы довольно долго. И хотя паспорт Эммы был чист, девушка чувствовала, как трясутся её коленки. Когда патруль только-только подошёл к ней, Эмма подарила унтеру свою самую очаровательную улыбку, но унтер не поддался на её чары. Когда он наконец-то вернул документ и холодно кивнул, Эмма вздохнула с облегчением.

Во второй раз девушку окликнул какой-то парень в чёрном берете и забрызганном грязью плаще. Когда он настиг её и попытался взять под руку, Эмма учуяла запах спиртного. Очевидно, незнакомец пожелал просто приударить за идущей быстрым шагом девицей. Это немного успокоило. Навязчивого ухажёра она отшила довольно грубо. Было огромное желание сообщить этому недотёпе, на кого она работает, но вовремя передумала. Зачем светиться лишний раз, тем более если учесть то, куда и зачем она идёт? Тем более что парень и сам вскоре отстал. Эмма продолжила путь. Она миновала Лейпцигскую площадь – до дома, где жил Паук, оставалось не более километра.

Эмма посмотрела на свои дешёвые часики, которые купи-

ла, как только устроилась на работу к полковнику Зейлеру (Густав ведь до сих пор не удосужился подарить ей что-нибудь более стоящее), и ускорила шаг. Если она поторопится, то ещё может успеть на свидание. Она часто опаздывала, но в этот раз Густаву предстоит слишком долгое ожидание. Лишь бы Паук не задержал её! Эмма решила соврать, что её завтрашний выходной отменён и если она вовремя не вернётся в особняк, у неё могут возникнуть проблемы.

Паук не должен быть слишком строг – ведь вести, которые она собиралась сообщить, были чрезвычайно важными.

Майор Краузе – офицер, посетивший сегодня полковника фон Зейлера, – служил в полку специального назначения «Бранденбург-800». Эмма знала, что военнослужащие этого полка всегда выполняют лишь самые сложные задачи.

Краузе считается одним из лучших в военной разведке – настоящий ас! До сегодняшнего дня она видела Ральфа Краузе лишь однажды, когда фон Зейлер устраивал приём в честь дня рождения фюрера. Тогда он тоже был в форме майора вермахта и очень быстро ушёл.

Сегодня, увидев Краузе, поднимающегося по лестнице, Эмма сразу поняла, что этот визит имеет особое значение, – и не ошиблась. Она подслушала весь разговор. Зейлер и Краузе рассуждали не о погоде: какая-то операция в глубоком тылу у русских. О боже, как же всё это её не касалось! Однако Эмма знала, что Пауку нужно именно это. Она представляла себе, как загорятся глаза старика, когда она выло-

жит ему всё, что успела подслушать. Возможно, после этого её мучитель немного успокоится и отстанет от неё хотя бы на время.

От одной мысли, что Паук сообщит о её прошлом Густаву, делалось дурно. После того, как Эмма переехала в Берлин, она считала, что никто не станет копаться в её прошлом, но она ошиблась...

В тот день они с Густавом встречались в маленькой, но очень шумной забегаловке на Фридрихштрассе. Густав был очень напряжён и спустя полчаса после начала встречи сообщил, что должен уйти. Поначалу Эмме стало страшно: уж не собирается ли он её бросить? Но когда Густав сказал, что проводит её до дома, и пообещал, что подарит Эмме при очередной встрече нечто ценное, она насторожилась ещё больше. Может, он наконец-то сумел уговорить своего гнусного старика на свадьбу и её ждёт обручальное кольцо? Тогда она решила, что ей стоит действовать решительнее.

– У меня впереди целый день, и если ты считаешь, что я хочу провести его в одиночестве, то ты заблуждаешься. Если ты уходишь, я останусь здесь и буду веселиться, – тут же заявила она, надувая губки.

– Но, милая, это не то место, где приличной девушке стоит оставаться в одиночестве. – Густав взволнованно оглядел

помещение. – Тут столько нетрезвых мужчин...

– Ты сам затащил меня в это захолустье! – не дав договорить, фыркнула Эмма. – Да-да, затащил и теперь собираешься бросить. А что касается нетрезвых мужчин... Я же сказала, что не желаю сегодня скучать. – Когда Эмма увидела лицо Густава, она чуть не прыснула со смеху. Он был так несчастен в тот момент, даже жалок. – Да-да, я говорю про настоящих мужчин. Ведь я одинокая девушка, и мне нужен настоящий мужчина, а не хлюпик, который только и делает, что смотрит в рот своему несносному папаше и, словно щенок, бежит туда, куда хозяин бросит палку!

Не слишком ли далеко она зашла, подумала Эмма в тот момент. Главное тут – не перестараться. Густав поджал губы и поднялся.

– Можешь оставаться здесь, можешь общаться с кем хочешь. Это твоё дело – ты свободная женщина. Я же пойду и не стану тебе мешать. Что же касается хлюпиков и щенков...

Густав не договорил, а просто махнул рукой. Подхватил со спинки стула свой плащ и выбежал на улицу.

Теперь Эмма рассердилась по-настоящему: «Вот маленький негодяй – всё-таки оставил меня здесь одну!» Она огляделась по сторонам, поёжилась. Большую часть посетителей составляли мужчины в мятых пиджаках, многие из них даже не удосужились снять шляпы. Две сидевшие за соседним столиком девицы небрежно курили, пили пиво из вы-

соких стаканов, время от времени бросая холодные взгляды на оставшуюся в одиночестве Эмму. Эх, Густав, Густав... Дурачок, неужели он и в самом деле поверил, что она собирается остаться в этой дыре? Эмма встала.

– Уже уходите? – послышалось за спиной.

Эмма обернулась. Невысокий толстячок в тёмно-зелёном жилете и шляпе с обвислыми полями ловко опустился на стул, который ещё недавно занимал Густав. Эмма насупила брови и шагнула к выходу. Толстяк тут же встал и заградил ей дорогу.

– Да как вы смеете? – Эмма шарахнулась в сторону и хотела уже оттолкнуть наглеца. – И потрудитесь снять шляпу, раз находитесь в помещении и при этом разговариваете с женщиной.

– Успокойтесь же, фройляйн Шридер! Думаю, что будет лучше, если моя шляпа останется там, где она сейчас. – Толстяк сдвинул шляпу на затылок, сел на стул, который совсем недавно покинул Густав, и вытер потный лоб мятым платком. – Сядьте на своё место и не выводите меня – я сегодня не в духе и очень устал. К тому же вы привлекаете внимание.

– Что? – Эмма застыла и тоже опустилась на стул.

Откуда этот мерзавец знает её настоящую фамилию?

Сердце девушки бешено стучало. Незнакомец тем временем щёлкнул пальцами, подзывая разносчика. Пока ему не принесли пива, он молчал. Потом осушил кружку залпом и заявил:

– Да-да, милочка, я многое про вас знаю.

Эмма напряглась.

– Кто вы?

– Моё имя вам, милочка, знать совсем не обязательно. Я знаю ваше, и это главное.

– И что же вам обо мне известно? – Эмма пыталась собраться. – И перестаньте называть меня милочкой!

Толстяк противно рассмеялся.

– Да почти всё. Папаша вашего сбежавшего кавалера нанял меня покопаться в вашем прошлом, и я уж расстарался.

Эмма побледнела. Герр Лидке, отец Густава, решил узнать о ней всё! О боже – значит, он не собирается уступать мольбам сына и не хочет, чтобы они с Густавом поженились!

– Фамилию вы знаете. Что ещё вам удалось раскопать? – спросила Эмма сухо.

– Ваш отец – Курт Шридер – был перспективным молодым инженером из хорошей семьи. В молодости он часто посещал различные научные конференции и семинары, в том числе и за рубежом. Как-то раз, вернувшись из Будапешта, он сообщил близким, что приехал не один. Девушка была образованной и умела вести себя в обществе, но отец Курта был неумолим, совсем как мой работодатель. – Толстяк ехидно рассмеялся. – Как только папаша Шридер узнал, что мать будущей невесты была женщина из венгерских цыган, он тут же заявил, что в его доме нет места для Унтер-

менш⁴. Сынок возмутился, нагрубил отцу и с позором был выдворен из дома вместе с красавицей-невестой. Молодой бунтарь заявил, что девушку не бросит, и в тот же день уволился с завода, на котором проработал без малого пять лет. После этого молодые переехали в Лейпциг, где жила бабка Курта по отцу. Та не стала возражать против свадьбы. Через год родились вы, милочка.

– Да прекратите же...

Толстяк наконец-то снял свою ужасную шляпу, пригладил ладошкой сальные волосы и снова заговорил:

– Когда началась Первая мировая, Курт Шридер попал на фронт. Он пошёл служить простым солдатом и погиб при наступлении германской армии на Верден. Тогда вам было около семи. Вы остались с матерью и бабкой. Вы выросли и были уже вполне взрослой девицей, когда ваша мать по собственной глупости стала калекой.

Эмма подавила спазм, вытащила из сумочки платок и зажала его в руке.

Она плохо помнила отца. Ей говорили, что от него она унаследовала белую кожу, открытый лоб, нос и широкие скулы. От матери она унаследовала стать, огромные карие глаза и пышную, чёрную как ночь шевелюру.

Эмма была по-настоящему привязана к матери и очень сильно переживала, когда та, после прихода нацистов к вла-

⁴ Термин у немецких национал-социалистов, обозначающий людей низших рас: евреев, цыган, славян.

сти, пытаясь спасти старинные книги от поругания в ходе одного из погромов, стала инвалидом. Небольшой городок на севере, в котором они жили, тоже охватила «коричневая чума». Мать Эммы работала в университетской библиотеке, и она не побоялась закрыть собой стеллажи, где хранились многочисленные тома, написанные Томасом Манном, Ремарком, Кестнером и самим Гейне. Парни из Sturmabteilung⁵ ворвались внезапно. Мать Эммы пыталась протестовать. Если бы они знали о её цыганских корнях, женщина могла бы проститься с жизнью, а так...

Удар кованым ботинком в область малого таза навсегда приковал женщину к постели. Почти год Эмма ухаживала за матерью, но потом та настояла, чтобы Эмма уехала из Лейпцига и перебралась к своей двоюродной тётке.

Толстяк продолжил:

– Потом вы сменили фамилию – не знаю, кто вам сделал документы, да это и не важно – и приехали в Берлин. Видимо, это тогда вы стали осветлять волосы, чтобы никому и в голову не пришло, что в вас течёт цыганская кровь. Кто заподозрит в её наличии такую красавицу, да ещё блондинку?

Эмма слушала молча, прекрасно помня, как бабка, провожая внучку в столицу, обещала ухаживать за матерью и посоветовала красить волосы в белый цвет. «С такими воло-

⁵ Штурмовые отряды, сокращённо СА. Военизированные формирования Национал-социалистической немецкой рабочей партии (нем.).

сами и этими тёмными глазами ты, несмотря на природную бледность, всё равно смахиваешь на цыганку, – говорила бабка, прощаясь и вручая девушке флакончик с какой-то краской. – Это перекись. Здесь у нас её достать довольно сложно, но в столице с этим у тебя не будет особых проблем. Лучше тебе стать блондинкой, девочка моя, и стать ею навсегда. Если хочешь преуспеть в этой жизни, не повторяй ошибок своих родителей».

В Берлине Эмма поселилась у тётки. Та приняла ново-явленную родственницу не слишком-то любезно. Но, устав от постоянного одиночества, не выгнала на улицу. Эмма устроилась работать в военный госпиталь и поначалу переписывалась с бабкой, справлялась о здоровье больной матери, но вскоре письма просто перестали приходить. Когда началась война и возникли перебои с продуктами, тётка стала ещё больше срываться на непрошеной гостье. Поэтому, когда одна из подруг тётки предложила похлопотать перед дворецким полковника Зейлера, чтобы тот помог устроить Эмму горничной в особняк полковника, та поначалу сомневалась. Особенно она испугалась, когда узнала, что Хильберт фон Зейлер занимает должность заместителя начальника группы-2А второго отдела Абвера. Но потом подумала, что, работая на такое высокопоставленное лицо, она не будет подвергаться придирам со стороны разного рода соглядатаев и шпионов. К тому же Абвер – ведь это не гестапо. Когда Эмма узнала, что ей будет предоставлена одна из комнат

особняка, то последние сомнения исчезли. Слишком уж Эмму достала её придирчивая и сварливая тётка, как достали и окровавленные простыни, вонь и смрад военного госпиталя, в котором она работала со дня приезда в Берлин. Работа санитарки не для неё – она определённо заслуживает большего. Так и случилось.

Эмма хорошо помнила и тот день.

Как-то раз, когда в свой выходной Эмма решила посетить одни из берлинских скверов, там она повстречала двух своих старых знакомых. Обе девушки работали в том же самом госпитале, где раньше трудилась Эмма.

– Вот так встреча! – воскликнула одна из девушек, когда Эмма неторопливо проходила мимо небольшой решётчатой террасы, увитой завядшим плющом.

Высокая, с пышной рыжеватой шевелюрой и в чёрной шубке из стриженного мутона. Её звали Инга Кале. Она работала старшей медсестрой в отделе хирургии.

– Наша серая мышка совсем не изменилась, несмотря на то что сумела попасть в приличный дом! – смеясь, заявила вторая, чуть полноватая блондинка с ярко накрашенными губами и в сером пальто с воротником из белого песка.

Она тоже работала в хирургическом отделении санитаркой, как и Эмма, но, по её словам, имела жениха из прилич-

ной семьи и собиралась замуж. Именно поэтому она никогда не считала Эмму ровней себе. Девушку звали Софи Беккер.

Обе девушки вышли из беседки и преградили Эмме путь.

– Такие как она не меняются, – продолжала Инга. – Ну как тебе новая работа, подруга? Судя по всему, твой новый хозяин не соблазнился на такую замарашку, иначе у тебя был бы совсем другой вид.

Эмма поджала губы и бросила на обеих девиц полный скрытой ненависти взгляд. Если бы у неё были такие наряды, она бы нисколько не уступила по красоте обоим насмешницам! Эмма была одета в старенький клетчатый плащ, из-под которого выглядывала серая вязаная юбка. Свои, как обычно, выбеленные волосы она небрежно прятала под тёмно-синим беретом с вытертыми краями, шерстяные чулки и громоздкие туфли на квадратном каблуке дополняли этот донельзя безобразный образ. Эмма понимала, что на её фоне две встреченные ей девицы кажутся настоящими королевами.

– Похоже, нам сегодня повезло! Точнее – не нам, а нашему драгоценному Густаву, – пробасил невысокий тучный мужчина лет сорока, одетый в чёрный плащ и фетровую шляпу с приподнятыми полями.

Он вышел из беседки и направился к девушкам. Вслед за ним показались ещё двое: темноволосый крепыш с квадратной челюстью и горбинкой на носу и нескладный худощавый молодой человек в круглых очках. Оба были в тёмных

коротких куртках спортивного покроя и в кепках.

– Дорогая моя, – продолжал «чёрный плащ», взяв рыженькую Ингу под руку. – Познакомь же нас скорее со своей подругой. Мне не терпится узнать имя этой красавицы.

– Это Эмма, бывшая санитарка из нашей богадельни, – скривив мордашку, ответила Инга и отвернулась.

– Правда, она уже покинула нас и работает у какого-то высокого чина из Абвера, – добавила Софи Беккер.

– Абвер – это хорошо. Абвер – это просто замечательно! Позвольте представиться. – «Чёрный плащ» галантно склонился перед Эммой в поклоне. – Меня зовут Рихард Диггер, я работаю помощником главного конструктора на станкостроительном заводе. А это мои коллеги – Эйнар Мориц и Густав Лидке.

– А девочка и впрямь недурна! По всему видно, что скромна, – как раз для тебя, мой дорогой! – Крепыш, который был представлен как Эйнар Мориц, ткнул парня в очках локтем в бок и улыбнулся Эмме. – Надеюсь, прекрасная фройляйн составит нашему другу компанию?

Эйнар подхватил Софи Беккер под руку – та одарила мужчину улыбкой. «Очевидно, этот хлыщ и есть жених пышки Софи, про которого она столько трепалась», – решила Эмма и увидела протянутую руку.

Молодой человек в круглых очках смотрел на неё с восхищением. Эмма хотела повернуться и уйти, но потом подумала: «А чем я хуже этих?»

Толстяк оторвал Эмму от приятных сердцу воспоминаний, громко крикнув разносчику, чтобы тот принёс ещё пиwa. Потом смерил Эмму сальным взглядом. Та убрала в сумочку платок, который уже превратился в маленький комочек, и сказала твёрдо:

– Если вы сейчас всё это рассказываете мне, то, очевидно, ваш работодатель ещё не в курсе относительно вашей проницательности и умения вынюхивать вещи, которые мне действительно не хотелось бы оглашать. Одним словом, что вам нужно?

Толстяк придвинулся ближе, задержал дыхание и положил руку на Эммину ладонь.

– Папаша вашего Густава не очень-то щедр. К тому же недавно, уже после того, как я взялся за ваше дело, я получил небольшое наследство, так что в средствах я особо не нуждаюсь.

Эмме очень хотелось вытащить руку из-под потной ладошки толстяка, но пока ещё она этого не сделала.

– В чём тогда вы нуждаетесь? Если в моих силах вам это дать, я сделаю это.

Толстяк задержал дыхание и придвинулся ещё ближе. Эмма почувствовала запах перегара у него изо рта.

– Я очень одинок, – прошипел толстяк, – и если вы... ес-

ли вы будете со мной ласковы, я мог бы рассказать папочке вашего Густава совсем другую историю.

Эмма вырвала руку, вскочила и рванулась к выходу. Потом застыла в дверях. Постояла и вернулась за стол.

– Я подумаю над вашим предложением и дам ответ завтра. А сейчас оставьте, пожалуйста, меня одну.

Толстяк оскалился и елейным голоском продолжил:

– Это ещё не всё. Признаюсь, что герр Лидке платит мне за работу жалкие гроши, – а что, если я похлопочу за вас и скупец всё-таки согласится на ваш брак с его сыночком? Как вам такое? Если это произойдёт, вы могли бы мне заплатить уже совсем другие деньги! Герр Лидке очень обеспеченный человек – думаю, что ваше финансовое состояние после вашей свадьбы заметно улучшится. Это в будущем, а сейчас мне нужна лишь ваша ласка.

– Уходите, – процедила Эмма сквозь зубы. – Возможно... очень возможно, что всё будет так, как вы хотите.

Толстяк вскочил, подхватил своё пальто и, глупо улыбаясь, рванул к выходу.

Когда Эмма подозвала разносчика и попросила выпить, ей принесли вина, и девушка выпила два бокала подряд.

Никогда она на такое не согласится. Зачем же тогда она назначила шантажисту ещё одну встречу, вместо того чтобы послать его ко всем чертям?

Понимая, что в таком состоянии долго не останется одна, Эмма всё же решила уйти, но не успела. К ней подсел ещё

один мужчина.

У этого были добрые глаза и усталое лицо. Он довольно стар и поэтому поначалу показался безобидным. Однако несмотря на это Эмма уже собиралась наругать очередному преследователю, но тут поняла, что это один из работников заведения. Старик мило улыбнулся девушке и сказал:

– Тяжёлый случай, милая фройляйн! К своему великому стыду, вынужден признаться, что случайно услышал всё то, что вам тут наговорил этот малый. Премерзкий тип! Это надо же – предложить приличной девушке такое!

Эмма выпила ещё вина.

– Наверное, я сейчас мало похожа на приличную девушку, – хихикнула Эмма, понимая, что от выпитого у неё немного заплетается язык. От отчаяния у девушки на глазах выступили слёзы. – Значит, теперь мою тайну знают как минимум двое.

Мужчина пожал плечами и сказал вполне серьёзно:

– Я мог бы помочь вам.

– ???

– То, что для вас кажется неразрешимым, для меня может оказаться сущим пустяком. Я имею некоторое влияние и могу помочь вам.

Эмма почувствовала, что совсем запуталась. Внезапная паника и возбуждение сменились ощущением собственного бессилия и полной слабости. Однако она постаралась взять себя в руки и спросила:

– Вы способны оградить меня от шантажиста? Как вы это сделаете?

– Даю вам слово, что этот тип замолчит навеки. Но уж простите – такие нынче времена...

– Какие ещё времена?

– Тяжёлые времена, – отвечал незнакомец. – Поэтому каждый крутится, как может. Мы все вынуждены обеспечивать себя, поэтому каждый труд имеет свою цену. – Мужчина сделал паузу и, убедившись, что его внимательно слушают, заявил: – Я избавлю вас от шантажиста, но попрошу за это оказать мне некоторую услугу.

– Вы тоже попытаетесь уложить меня в постель? – выкрикнула Эмма и в ужасе осмотрелась по сторонам. На её счастье, в заведении было довольно шумно.

– Что вы, что вы! – Новый знакомый Эммы тихонько рассмеялся. – У меня совсем другие планы на вас. Вы ведь работаете в особняке одной очень важной персоны?.. Важной персоны, работающей в Абвере?

Из груди Эммы вырвался глухой стон:

– О боже... Но почему это происходит со мной?!

Именно так она и познакомилась с Пауком.

Когда Эмма добралась до дома, где жил её теперь уже ненавистный спаситель, она поднялась на второй этаж, подо-

шла к дверям и постучала, используя условный стук. Дверь открылась, и Эмма вошла в маленькую комнатку.

Они разговаривали стоя, прямо на кухне. Старик был сдержан, но когда раскуривал папиросу, руки его слегка дрожали. Таким Эмма видела этого мужчину впервые. Когда она поинтересовалась, в чём дело, Паук сказал, что Прыгун видел возле его дома подозрительных людей. К огромному удовольствию Эммы, разговор не занял больше десяти минут. Старик выслушал девушку и почти сразу, даже не поблагодарив, велел уходить.

– Если Краузе снова придёт к полковнику, я должен буду об этом знать, но будь осторожна, – сказал Паук, провожая девушку до дверей.

– А если придёт не Краузе? – спросила Эмма.

В своё время Паук показал Эмме с десятков фотографий немецких офицеров, о появлении которых в доме полковника она должна немедленно докладывать.

– Забудь про других и сосредоточься на Краузе, – приказал Паук. – Так что приходи теперь сюда лишь в самых крайних случаях. Если ты мне понадобишься, я сам тебя найду. И ещё... обрати особое внимание на того русского, который пришёл с Краузе. Это совсем новая фигура, а самая страшная угроза исходит от того, кого меньше всего знаешь. Меня он теперь интересуется даже больше, чем Краузе, даже больше, чем сам Зейлер. Наверняка он войдёт в состав диверсионной группы, но вот для чего? – Паук склонил голову, за-

думался, потом махнул Эмме рукой, давая понять, что она может идти.

Когда девушка оказалась на улице, ей казалось, что огромная гора свалилась с её плеч. Она снова посмотрела на часы. Если поймать машину, она ещё сможет застать Густава в «Сбежавшем пироге». Словно в ответ на её мольбы на углу у парка остановился чёрный «мерседес». Эмма помахала рукой – автомобиль подъехал. Когда дверцы «мерседеса» открылись, двое в чёрных плащах тут же выскочили из него и затолкали девушку внутрь.

Глава вторая, в которой Отто Хубер совершает несколько непростительных ошибок

Отправив шифrogramму, Отто Хубер откинулся на спинку стула и вздохнул с облегчением. Всё пришлось делать в страшной спешке, потому что Паук решил, что за ним следят. Обычно любая информация, дошедшая до Паука, проверялась более тщательно, но сейчас Паук спешил. Какое-то внутреннее чутьё подсказывало ему, что он близок к провалу, поэтому Прыгун послал письмо Шмелю, сообщив новости, которые выяснила Стрекоза. Отто потянулся, достал ещё одну папиросу и выкурил одну за другой стазу две.

Может, напрасно Паук так переполошился?

Парень, крутящийся возле его дома, мог быть простым воришкой или любовником одной из живущих по соседству

женщин, который прятался, не желая попасться на глаза ревнивому мужу. Объяснений появлению незнакомца у дома русского резидента могло быть множество. Однако Паук сказал, что чувствует опасность, а не доверять интуиции матёрого разведчика было крайне неосмотрительно.

Отто упаковал рацию в матерчатый чехол, аккуратно сложил шифры в пакет и спрятал всё это в тайнике под половицей. Он плюхнулся на диван, пролежал так несколько минут, потом встал, подошёл к окну и приоткрыл штору.

Во дворе бегали дети, соседка с первого этажа развешивала бельё. Ничего подозрительного Отто не заметил и хотел уже вернуться в комнату, как вдруг увидел на углу одетую в малиновое пальто женщину с пышными тёмными волосами. На голове у красотки был алый берет, губы были выкрашены ему под стать. Девица прохаживалась туда-сюда и дымила папиросой.

Отто прекрасно знал эту женщину и знал то, зачем она здесь.

С ранних лет Отто увлекался лишь двумя вещами: футболом и радиodelом. В школе он посещал радиокружок и усиленно занимался спортом. Тренера пророчили ему большой успех, и Отто мечтал, как он попадёт в молодёжную сборную. Ну а после этого Отто, конечно же, видел себя игроком

«Шальке» – команды, чемпиона Западной лиги.

Несмотря на то что отец Отто был простым кочегаром, а мать работала прядильщицей на ткацкой фабрике, Отто больше смахивал на юношу из богатой семьи. Он всегда был ухожен, подтянут и вежлив. Учился он прилежно, поэтому учителя нахваливали юношу, а девчонки просто сходили по нему с ума. Отто при этом не зазнавался, был скромн, и некоторых именно это толкало на решительные действия. Как-то учительница физики фройляйн Рейнхардт оставила четырнадцатилетнего подростка после уроков.

Это была сорокадвухлетняя женщина со скуластым лицом и выщипанными бровями. Она носила дурацкие очки в роговой оправе, заплетала волосы в тугий хвост, но при этом была весьма недурна собой. Также фройляйн Рейнхардт носила бюстгальтер четвёртого размера, а её юбка всегда так плотно обтягивала круглые широкие бёдра, что все мальчишки в классе, несмотря на строгость преподавательницы, охотнее ходили на физику, нежели на все другие предметы.

Когда они с Отто остались вдвоём, то просидели в душном классе несколько часов. Они долго разбирали какую-то сложную задачку и просто изнывали от жары – в итоге и фройляйн Рейнхардт расстегнула верхнюю пуговку своей ажурной блузки. Отто не смог не заглянуть в вырез, при этом так мило покраснел, что суровая фройляйн не удержалась. Она подсела к юноше и прижалась к нему бедром. Отто сам не понял, как на такое решился. Он ухватил женщину за та-

лию и притянул к себе.

– Что ты делаешь, несносный мальчишка? Сейчас же отпусти меня! – Женщина упёрлась руками ему в грудь, и в первый момент Отто сильно перепугался. – Как тебе не стыдно...

В этот момент Отто понял, что отступать уже некуда, тем более что «возмущённая» фройляйн не так уж и сильно противостояла его напору.

– Стыдно! Ох как стыдно! – Юноша ещё сильнее прижал женщину к себе и вцепился в грудь... Тут уж женщина вырвалась, бросилась к двери и... вместо того чтобы исчезнуть за ней, повернула ключ и бросилась в объятия Отто уже сама.

– Ты, маленький негодник, что ты такое творишь? – Женщина сорвала с Отто брюки и, потянув его за собой, упала на стол. – Ну давай же, давай...

Отто едва не опрокинул стул. Он чувствовал себя таким неловким и снова стал краснеть. Но тут фройляйн Рейнхардт из строгой дамы превратилась в милую и нежную деву. Она не смеялась над ним, была ласкова, но страстна. Когда спустя полчаса они оба, вспотевшие и счастливые, вышли из класса, Отто навсегда для себя решил, что сделает всё, чтобы навсегда избавиться от собственной робости. С тех самых пор к двум первым увлечениям Отто добавилось ещё и третье – этим увлечением стали женщины.

В тридцать третьем, после прихода к власти Гитлера и поджога Рейхстага, начались массовые преследования ком-

мунистов. Отец Отто, ярый поклонник таких политических деятелей, как Эрнст Тельман, Гейман Реммеле и Гейц Нейман, был арестован. Через год он умер в тюрьме. Мать пила и вскоре потеряла работу.

Отто всё ещё не терял надежды на то, что со временем он сделает спортивную карьеру – футбол тогда стал главным в его жизни, – и всё, что с ним тогда происходило, считал временными трудностями. Но отца не стало, а мать пила так, что у них даже не хватало денег на хлеб. Отто устроился работать курьером при брокерской конторе.

Как-то, отвозя почту за город, Отто провалился в глубокую лужу, а потом прождал адресата несколько часов на морозе. В результате он угодил в больницу, где ему ампутировали большой палец на правой ноге.

С футболом было покончено навсегда. Тогда же он и начал курить.

С тех пор Отто стал сильно прихрамывать, но в этом был и огромный плюс: он был признан негодным к службе в вермахте. Гитлера, идеи национал-социализма и развязанную Германией войну Отто ненавидел всей душой, поэтому и стал работать на Паука.

Сейчас, глядя на одетую в малиновое пальто шлюху, на её ярко накрашенные губы, Отто вспомнил именно фройляйн

Рейнхардт – женщину, подарившую ему первый опыт общения с прекрасным полом. Он почувствовал себя так же, как и тогда, в душном классе, поэтому накинул пальто и, не надевая кепки, выбежал во двор.

– Отто, мой дорогой, я вижу, что не ошиблась, когда решила заглянуть в этот скромный уголок! Я так и знала, что ты выглянешь в окошко и остановишь на мне взор своих милых печальных глаз! – Девушка рассмеялась.

– Пошли, – буркнул Отто, – не стоит рассказывать о нашем общении всей округе.

Девушку звали Руди. Отто уже не раз приводил её к себе домой. Девушка была неприхотлива и за свои услуги брала умеренную плату.

Они зашли в квартиру; девушка только сейчас загасила папиросу о переполненную окурками пепельницу.

– Похоже, ты был чем-то занят, милый, если так много курил. У тебя не продохнуть!

– Довольно болтать, раздевайся! – процедил Отто.

– Фи... раньше ты не позволял себе подобной грубости. Мог бы предложить для начала что-нибудь выпить...

Отто толкнул девушку – та упала на кровать и расхохоталась. Отто уже срывал с неё одежду. Руди довольно повизгивала и для видимости сопротивлялась. Она легонько укусила молодого человека за мочку уха, потом лизнула щёку... Отто уже весь горел.

Только спустя час он поднялся с кровати и подошёл

к умывальнику.

– Милый, очень хочется курить, – томно произнесла Руди. Она подошла к окну и открыла одну из штор.

– Сейчас же закрой окно! Я не хочу, чтобы в моём окошке мелькали голые девицы.

– Ты всегда такой застенчивый и скрытный. – Руди подошла к столу и закурила. Потом прошлась до кровати и улеглась под одеяло, попыхивая папиросой. – Кстати, ты до сих пор не рассказал мне, почему ты хромаешь. Уверена, что это какая-то романтическая история!

– Это тебя не касается, – пробурчал Отто, бросая на стол несколько марок. – Ты сделала своё дело, а теперь забирай деньги и проваливай!

– Ты не был так груб со мной раньше. У тебя что-то случилось? Расскажи же... Мне не хочется оставлять тебя таким. Расскажи, мне не хочется идти на холод. Я могу остаться у тебя до утра. Сегодня мало клиентов. Решайся. Если я останусь, то потребую совсем немного; если ты на мели, то можешь отдать деньги как-нибудь в следующий раз. Ну же, не будь букой!

Отто посмотрел на девушку. Пышные волосы, длинные ноги, шикарная грудь с задорно торчащими из-под полупрозрачной сорочки сосками. Отто опять вспоминал фройляйн Рейнхардт.

– Если хочешь – оставайся. Только не приставай ко мне со своими глупыми расспросами.

Отто подошёл к окну и выглянул на улицу.

Припаркованный под кустом «мерседес» он заметил не сразу. Его скрывали густые ветви ещё не успевшей осыпаться акации.

Однако он всё-таки увидел его.

У автомобиля стояли двое – кутались в приподнятые воротники, курили. Отто тут же вспомнил про опасения Паука.

Что это? Может быть, случайность, или всё-таки Паук не ошибся? Рисковать нельзя.

В дверь постучали. Отто шарахнулся от окна.

– Милый, что случилось? Ты весь побледнел! – Руди соскользнула с кровати и повисла у Отто на шее.

– Отстань! Не до тебя. – Отто оттолкнул девушку, бросился к двери и замер.

Несколько сильных ударов прозвучали как гром среди ясного неба.

Руди взвизгнула...

Зачем он позволил этой дурёхе остаться, если он засветился... если он провален...

Паук часто говорил, что́ нужно делать в случае провала в первую очередь.

Отто бросился к тайнику, оторвал половую доску, достал передатчик и тетрадку с шифрами. Потом сорвал с крючка под потолком висевшую на нём керосинку и слил её содержимое в алюминиевую миску. Он достал спички, положил их и тетрадку с шифрами рядом с миской. Он сожжёт шиф-

ры и разобьёт передатчик, но нужно сделать кое-что ещё.

Отто полез за комод и достал старый ржавый топор. Его трясло, руки не слушались, боль в ноге, казалось, стала ещё сильнее. Снова послышался громкий стук. Отто подошёл к антресоли, протянул руку и достал свой старенький «вальтер». Руди взвизгнула. Прежде, чем они ворвутся, он уничтожит рацию и шифры; также нельзя дать им в руки живым. Теперь оставалось только молиться, чтобы интуиция Паука на этот раз не сработала.

Снова этот ужасный стук.

Отто схватил коробок и чиркнул спичкой. Зажечь керосин в миске и бросить туда бумаги. Да-да. Потом один взмах топора...

– Отто! Ты откроешь дверь, или мне придётся стоять тут до утра? – послышался из-за дверей знакомый голос. – Я прекрасно знаю, что ты привёл в дом девицу, но мне нет до этого дела, уж поверь!

Руки Отто дрожали. Фрау Марта, соседка с нижнего этажа, – это определённо была она. Отто выдохнул, погасил спичку и посмотрел на Руди. Та забилась в угол, прикрывшись одеялом. Отто убрал миску с керосином, топор и сунул листки с шифрами в карман.

Может, всё ещё не так плохо?

– Что вам нужно, фрау? Если я и вожу девиц, то это и в самом деле не ваше дело! Вы чуть не вышибли мне дверь!

– Что ты сделал со счётчиками, негодный мальчишка?

У меня снова перегорели пробки!

«Спокойно, – успокаивал себя Отто. – У страха тысяча глаз». Он подошёл к двери – соседка всё ещё голосила. Отто отодвинул щеколду и приоткрыл дверь. «Вальтер» при этом он держал за спиной.

– С меня довольно! На этот раз ты так просто не отделаешься! – возмущалась соседка, при этом что было сил вытягивала шею, стараясь разглядеть то, что скрывал Отто за своей спиной.

С разлохмаченными волосами, в одном халате и шлёпанцах, разгневанная фрау выглядела весьма устрашающе.

Отто примирительно улыбнулся:

– Простите меня! Я помогу вам устранить поломку. Сейчас я спущусь и вставлю вам новые пробки.

– Да что ты такое говоришь? Поглядите на него! Пробки он мне вставит! Одной, похоже, уже вставил! – Женщина отступила. – А если в следующий раз ты мне дом спалишь – что тогда?

– Ступайте, фрау Марта. Я сейчас к вам подойду.

– Пошли сейчас! – Женщина снова подалась вперёд, но Отто плавно прикрыл дверь.

Фрау снова разоралась:

– Что? Захлопнул перед самым носом! Негодяй! Мерзавец!

Отто слил в лампу керосин. Рацию и тетрадку с шифрами снова убрал в тайник, заложил доской. Пистолет он всё ещё

держал в руке. Он посмотрел на Руди.

Она всё видела...

Отто улыбнулся.

Он больше не боится, он больше уже не краснеющий при виде женской груди мальчик. Он – воин.

Однажды он уже убил человека. Это был противный толстяк, который вздумал шантажировать Эмму Шридер – молодую женщину, работавшую на Паука.

Тогда Паук был излишне возбуждён. Они встретились в парке на скамейке, и русский резидент сообщил, что сумел завербовать очень ценного сотрудника:

– Это женщина – красивая, молодая. Она работает в доме у одного из первых лиц второго отдела Абвера горничной.

– Это же хорошо, – отвечал Отто, – однако я вижу, что вас что-то тревожит.

– Есть человек, который может выдать девицу гестапо и её работодателю. У неё не всё в порядке с родословной, поэтому она также не хочет, чтобы её жених узнал кое-что о её предках. Этот убудок возжелал нашу девушку, в противном случае он откроет все её секреты. Мне придётся убить этого выродка, или мы упустим нашу красотку.

В душе Отто вспыхнуло пламя.

– Вы не должны рисковать! Я убью шантажиста! Кто он?

Паук удивлённо посмотрел на молодого человека.

– Ты? А ты уже кого-нибудь убивал? Это непросто, мой мальчик, очень непросто. К тому же стоит тебе сделать хоть одну ошибку... Я не могу потерять радиста.

– Я убью ублюдка! – упрямо процедил Отто. – Не сомневайтесь.

Паук кивнул и нацарапал на клочке бумаги адрес и приметы будущей жертвы. Потом он достал из-за пазухи нож и протянул его Отто. Прочитав на клинке надпись, Отто поморщился.

– «Кровь и Честь!» – это же игрушка головорезов из Гитлерюгенд!

– От этого он не становится более опасным для нас и менее опасным для наших врагов. Или ты хотел бы, чтобы я вручил тебе настоящий нож разведчика, с которым воюют русские?

Отто подкараулил свою жертву в подворотне. Он прятался за каким-то сараем, из которого пахло рыбьими потрохами и мочой. Отто догнал толстяка и хотел ударить в спину, но не смог. Он замешкался. Толстяк повернулся и увидел в руке Отто нож. Он заорал и полез в карман. Тут Отто подался вперёд и воткнул нож толстяку в живот. Когда Отто обшаривал карманы убитого, он нашёл пистолет.

Так Отто помимо ножа стал обладателем старенького «вальтера».

Теперь, когда Отто приговорил Руди, ему стало легче. Он понимал, что убить женщину ему будет ещё сложнее, чем того толстого негодяя, но рисковать он не имеет права. Отто посмотрел на пистолет и убрал его на антресоль. Теперь он улыбнулся уже Руди – пусть успокоится. Женщина поднялась с постели и подошла к окну.

«Сейчас она снова станет задавать вопросы, – рассуждал Отто. – Главное – её не напугать. Нужно вывести её из дома и где-нибудь в тёмном переулке... Почему же она молчит? А фрау Марта? Она, похоже, уже ушла. Он обещал к ней спуститься, но это подождёт. Сейчас главное – избавиться от Руди».

Отто подошёл к двери и прислушался – никого. За спиной слышались шаги, щёлкнул выключатель. Руди подошла к окну и распахнула шторы. Совсем без одежды она стояла у окна. Значит, она всё поняла – ну что ж, тогда придётся сделать всё здесь.

– Сейчас же закрой окно и выключи свет! – прорычал Отто.

– Иди к чёрту!

– Что? Что ты сказала?!

– Я говорю: иди к чёрту, идиот!

Руди тихонечко смеялась, Отто видел, что в глазах его будущей жертвы совсем не было страха.

Она знает, что он приговорил её, но не боится. Значит, всё это – спектакль?

Паук был прав: они погорели. Значит, Руди работает на них – тех, что ждали внизу у «мерседеса». Его вдруг осе-нило. Он понял, зачем она включила свет и отдёрнула штору.

Это был сигнал... сигнал им.

Сильный удар сотряс всю квартиру. Дверь треснула и едва не слетела с петель. Отто бросился к тайнику, в одно мгновение вырвал из пола доску.

– Стоять! – истошно завопила Руди.

Она стояла, прижимая к груди сумочку; в правой руке у неё был небольшой пистолет. Отто вытащил из тайника тетрадку с шифрами, чиркнул спичкой. Ещё один удар потряс комнату, раздался треск – и дверь слетела с петель.

Он мог бы ещё успеть уничтожить шифры, но в тот момент, когда в комнату ворвались двое в чёрных плащах, Руди нажала на спусковой крючок. Прогредел выстрел. Отто дёрнулся и завалился набок.

Глава третья, *в которой пожилой кельнер сталкивается со странными посетителями*

В задымлённом полуподвальном помещении на Фридрих-штрассе было не протолкнуться. Здесь пахло женскими духами, потом и пережаренным салом. Пиво лилось рекой. Небольшой динамик в углу под потолком изрыгал последние

новости с Восточного фронта: диктор голосом, напоминающим треск автоматной очереди, сообщал об очередной победе войск вермахта под Курском и Вязьмой, и этот треск тонул в радостных гортанных криках. Эти громкие звуки разбавляли смех и визг девиц. С ярко накрашенными губами, в воздушных платьях и накрахмаленных сарафанах, светловолосые красотки с раскрасневшимися щёчками порой даже заглушали звериные вопли своих раззадоренных кавалеров. Сегодня женщин было лишь четыре, и вокруг каждой вилось по несколько возбуждённых, пахнущих табаком и пивом воjak в серых мундирах. Повсюду произносились тосты, звенели стаканы, слышались песни.

«Как же они мне надоели, эти песни!» – проворчал сквозь зубы грузный мужчина в белой застиранной рубашке, поверх которой был надет застёгнутый на все пуговицы жилет. Он сидел на высоком стуле за стойкой, протирал стаканы и не переставал улыбаться. Его звали Эрик Кохх, и сегодня он, пожалуй, был единственным мужчиной в подвальчике, который не нацепил на себя военную форму.

Впрочем, это уже давно стало нормой.

Эрик Кохх походил на добродушного пожилого бюргера как никто другой. Недавно ему перевалило за шестьдесят; пивное брюшко, красный шейный платок в белый горошек и массивные очки в толстой оправе дополняли этот образ. Для полноты картины не хватало, пожалуй, только шляпы с пером и пышных подкрученных усов. Однако вместо шля-

пы голову кельнера украшала огромная лоснящаяся лысина, а место под мясистым носом, где могли быть усы, было гладко выбрито опасной бритвой «Kobar Solingen» – подарком фрау Краузе, пышнотелой вдовушки, живущей через два квартала, неподалёку от пивнушки Диерта Шредера.

Пивная на Фридрихштрассе, в которой уже без малого шестой год работал кельнером Эрик Кохх, не считалось особо изысканным заведением. Однако пиво здесь подавали отменное, а сосиски, зельц и кровяная колбаса стоили недорого. Поэтому заведение редко когда пустовало. Со дня основания пивной, которая в своё время принадлежала ещё отцу Диерта Шредера, и задолго до появления здесь Эрика Кохха основную массу посетителей пивной составляли обычные работяги с расположенного по соседству станкостроительного завода – в основном зрелые мужчины, степенные и немногословные. После тяжёлых трудовых будней, проведённых на конвейере или у станков, эти пили немного и вели себя довольно тихо. Позже штат завода пополнился молодёжью, и вышло так, что безобидных трудяг сменили дерзкие и агрессивные юнцы в коричневых рубашках.

До Эрика должность кельнера у герра Шредера занимал Алекс Шульман, тощенький паренёк со впалыми щеками и необычайно тощей шеей. Новым посетителям пивной молодой кельнер сразу же не пришёлся по вкусу. После того как в тридцать пятом парни из СА массивной кружкой разбили Алексу голову, тот попал в лечебницу. Тогда-то герр Шредер и предложил место кельнера жившему по соседству Эрику.

Принимая нового человека, герр Шредер детально расспрашивал Эрика о его ближайших родственниках. «Ты уж пойми меня, приятель, – говорил герр Шредер, качая головой. – Я ведь знал и отца, и мать бедняги Алекса. Они из Мюнхена – чистокровные баварцы, – а эти... Надо же было так изувечить паренька, да ещё и обозвали „жидовской

мордой“!». После того инцидента Алекс Шульман исчез навсегда, и ни Шредер, ни тем более сам Эрик больше ничего не слышали о нём.

Эрика «коричневые» особо не задирали, и он спокойно проработал кельнером несколько лет. Потом «коричневых» сменили «серые».

Сегодня гостей заведения, точнее – бóльшую часть из них составляли молодые мужчины в мышиноного цвета мундирах, румяные и крепкие, ещё не успевшие понюхать пороха и не слыхавшие грохота пушек и хлопков разрывающихся под ногами мин. Эти только ещё ожидали отправки на фронт, поэтому веселились и радовались как дети. Меньшую часть составляли хмурые, немного осунувшиеся солдаты, которые тоже выпивали, но вели себя более сдержанно, иногда замыкались и уходили в себя. В отличие от первых, они уже побывали в боях – поэтому и вели себя более сдержанно, разговаривали вполголоса, но пили нисколько не меньше, чем их необстрелянные соотечественники. Многие из этих вторых только что покинули лазареты и госпиталя и ожидали повторной отправки на фронт.

Вопреки обычному, сегодня в заведение заглянула ещё и парочка младших офицеров. Они потребовали лучший стол у окна и заказали, помимо «Баварского», ещё и две бутылки коньяка «Eugene Gourgu». Запьянели они быстро, потребовали ещё одну бутылку коньяка. Один из них – толстый, с горбинкой на носу и тонкими усиками – был в фор-

ме пехотного фельдфебеля. Напившись, он полез под стол и стал совать забившейся в угол рыжей кошке надкусанную сосиску. Кошка шипела, щетинилась, выгибая спину, при этом нервно махала хвостом. Фельдфебель злился и громко орал: «Как смеет эта тварь брезговать угощением из рук героя Польской компании вермахта? Клянусь: я заставлю эту дрянь не только сожрать эту сосиску, но ещё и выпить за нашу очередную победу!» Несколько сидевших неподалёку солдат тут же предложили тощему фельдфебелю помощь в поимке кошки. Двое полезли под стол, и почти сразу же один из них выскочил, махая окровавленной рукой. Кошка метнулась в образовавшийся проход и выскочила из зала под всеобщий хохот. Эрик Кохх с интересом наблюдал за столь необычным для немецких офицеров поведением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.